

Ужасная находка.
Кто же убийца?
Ставки высоки, как никогда.

Орловский Порок

Впервые на русском!

ЭНДРЮ ТЕЙЛОР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

The Big Book

Эндрю Тейлор

Королевский порок

«Азбука-Аттикус»

2019

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Тейлор Э.

Королевский порок / Э. Тейлор — «Азбука-Аттикус»,
2019 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-25182-3

УЖАСНАЯ НАХОДКА. Опасно быть приближенным Карла II: порой один неверный шаг приводит к позору, изгнанию и даже к смерти. За место у трона борются самые высокопоставленные вельможи Англии. И чаша весов может склониться не в пользу лорда Кларендона, когда в колодце его дома находят мертвеца... КТО ЖЕ УБИЙЦА? Джеймсу Марвуду, клерку на правительственной службе, поручено расследование этого дела, которое ни в коем случае не должно стать достоянием гласности. Между тем Марвуд знает человека, у которого есть все основания желать смерти Эдварда Олдерли, найденного мертвым, – это его кузина Кэтрин Ловетт, дочь цареубийцы. Множество улик указывает на нее. Теперь ее могут отправить на эшафот... СТАВКИ ВЫСОКИ, КАК НИКОГДА. Марвуд уверен, что Кэт невиновна, поэтому решает найти настоящего убийцу. Но время на исходе. Если он допустит ошибку, это может угрожать репутации самого короля... Впервые на русском!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-25182-3

© Тейлор Э., 2019
© Азбука-Аттикус, 2019

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	16
Глава 6	21
Глава 7	23
Глава 8	27
Глава 9	32
Глава 10	35
Глава 11	42
Глава 12	49
Глава 13	54
Глава 14	59
Глава 15	62
Глава 16	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Эндрю Тейлор

Королевский порок

Посвящается Кэролайн

*Лишь чудотворное руки сей мановенье
Способно даровать мне исцеленье.
Пред этой дланью, ветвью древа Рая
С мольбою я колени преклоняю.
О кесарь мой, ты лишь коснись меня,
И верю я, исчезнет хворь моя.
Нет в короле порока, посему
Он даст отпор пороку моему.*

Роберт Геррик. Королю, во исцеление хвори. Геспериды, 1648 г.

Andrew Taylor
THE KING'S EVIL
Copyright © Andrew Taylor, 2019
All rights reserved

© А. Д. Осипова, перевод, 2024
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Азбука®

* * *

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Инфермари-клоуз, Савой

Джеймс Марвуд, секретарь Джозефа Уильямсона и Совета красного сукна
Маргарет и Сэм Уизердин, его слуги

Чертежное бюро, Генриетта-стрит

Саймон Хэксби, маркшейдер и архитектор
Джейн Хэксби, его служанка, ранее известная как Кэтрин Ловетт
Бреннан, чертежник

Уайтхолл

Король Карл II
Яков, герцог Йоркский, его брат

Джозеф Уильямсон, заместитель лорда Арлингтона
Уильям Чиффинч, хранитель личных покоев короля
Джордж Вильерс, 2-й герцог Бекингем
Джон Найт, главный королевский хирург

Кларендон-хаус

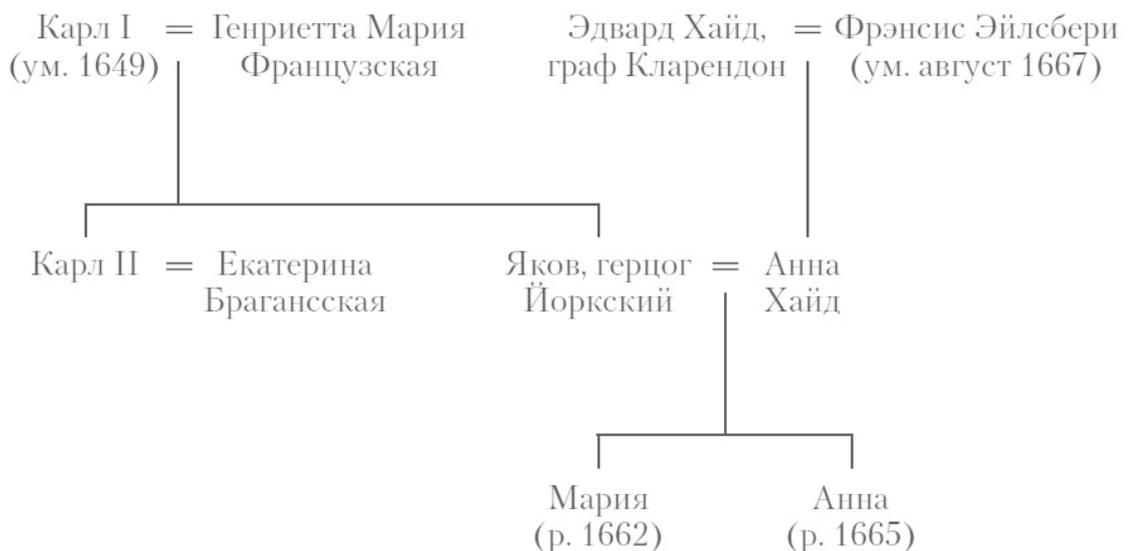
Эдвард Хайд, граф Кларендон, бывший лорд-канцлер Англии
Джордж Милкот, его секретарь
Мэтью Горс, слуга

Другие

Оливия, леди Квинси, ранее госпожа Олдерли
Стивен, ее паж
Господин Тёрнер, нотариус из Барнардс-инн
Господин Вил из Лондона
Роджер, его слуга
Преподобный доктор Бёрбро из Кембриджа
Преподобный Ричард Уорли из Кембриджа
Госпожа Уорли, его бабушка
Фрэнсис, девочка
Господин Мангот из Вур-Грин
Израил Хэлмор, погорелец

КОРОЛЕВСКАЯ СЕМЬЯ

Сентябрь 1667 г.

Глава 1

Все получилось само собой. Одним плавным движением он отступил на шаг и повернулся к врагу боком. Правая нога чуть согнута в колене, носок направлен в сторону угрозы. В этот момент его стойка была безукоризненна: все, как показывал учитель фехтования. Он приготовился сделать выпад из терции и насадить стоявшее перед ним дьявольское отродье на шпагу, будто куропатку на вертел.

Вот он сдвинулся с места и тут услышал чей-то вдох. Его правая нога стояла на каменном полу. Но левая («под прямым углом к корпусу, месье, для устойчивости и силы») не нашла под собой опоры.

– Черт...

Он уставился на стоявшую перед ним фигуру. Через грязные подвальные окна сумерки просачивались внутрь, будто зловонные испарения. Он хотел взмолиться о помощи, но язык ему не подчинялся.

Он вытянул руки перед собой в отчаянной попытке восстановить равновесие. Пальцы напряглись в надежде ухватиться за руку помощи. Сталь звякнула о камень.

У него было не больше выбора, чем у быка под топором мясника. Голова ударилась о парапет колодца. Боль ошеломила его. Он закричал. И полетел вниз, размахивая руками и ногами. Его пальцы скользили по влажной неподатливой каменной кладке. Не за что ухватиться. Ни единой зацепки...

Тут его плечо ударилось о каменную стену, и он ушел под воду. От пронизывающего холода у него перехватило дыхание, и боль тут же отступила. Он открыл рот, пытаясь то ли закричать, то ли сделать вдох. Ледяная вода обожгла легкие. Он захлебывался.

Грудь словно жгло огнем. Он тонул. Воды он боялся всегда, но плавать так и не научился. Пальцы царапали твердый камень. Сапоги наполнились водой, утягивая их обладателя на дно.

И все же ему удалось вынырнуть на поверхность. Он жадно глотнул воздуха. Высоко над его головой виднелись смутные очертания головы и плеч.

– Помогите! – выкрикнул он. – Ради всего...

Но прежде чем слова успели сорваться с его губ, он снова ушел под воду, и она приняла его в свои объятия. «Самая чистая вода в Лондоне», – хвасталась ее светлость. Его ногти скребли камни и раствор между ними, только бы хоть за что-нибудь зацепиться. Руки и ноги налились свинцом. Боль в груди все усиливалась. Он и не подозревал, что можно испытывать такие страдания.

Отчаяние парализовало его. Отныне ему предстоят вечные муки. Вот он, путь в преисподнюю.

Боль отступила. На смену холоду пришло приятное тепло. Казалось, все чувства медленно исчезали, осталось только блаженное состояние покоя.

«Так, значит, это и есть...» – пронеслось у него в голове.

Глава 2

За день до этого

В пятницу я наблюдал, как король исцелял недужных в Банкетном доме Уайтхолла.

– Не оборачивайтесь, – тихонько произнесла леди Квинси.

При звуке ее голоса у меня замерло сердце. Я встретил эту женщину в прошлом году, сразу после Великого пожара. Ту пору своей жизни я предпочитал не вспоминать, однако в результате происшедших тогда событий леди Квинси осталась вдовой. Эта женщина была на несколько лет старше меня, и было в ней что-то, так и притягивавшее взгляд. Не удержавшись, я все-таки обернулся. Она глядела на свои руки в перчатках. На ней была шляпа с широкими полями, а лицо скрывала вуаль. Леди Квинси стояла совсем близко от меня. Она кого-то привела с собой, но я никак не мог разглядеть, кого именно. Однако ростом этот человек был очень мал. Ребенок? Карлик?

– Сделайте вид, будто увлечены церемонией, – вполголоса велела она. – На меня не смотрите, иначе мне придется уйти.

Мы стояли на балконе, и весь огромный зал внизу был перед нами как на ладони. Я снова обратил взгляд на короля. Здесь, в самых просторных и величественных своих апартаментах, Карл II восседал на троне под балдахинном с королевским гербом, а по обе стороны от монарха столпились придворные и представители духовенства в стихарях, в том числе и личный духовник его величества, королевский исповедник. Лицо монарха было невозмутимым и торжественно-серьезным. Может ли король находиться в этом зале, не вспоминая о том, что его отец когда-то вышел на эшафот через высокое окно в середине зала и там несчастного ждал с топором палач в маске? Ребенком я и сам был среди толпы, на глазах у которой голову отца нынешнего короля отделили от тела.

– Ничего не говорите, – велела леди Квинси. – Только слушайте.

Йомены гвардии выстраивали в очередь собравшуюся в зале толпу, их алая форма особенно бросалась в глаза по сравнению с одеждой тусклых цветов, в которой явились сюда большинство страждущих и их сопровождающие. Многие придворные прижимали к носу платки: от больных исходил не слишком приятный запах.

– Я должна предупредить об опасности, – продолжила леди Квинси. – Но угрожает она не вам, а другой персоне, имени которой мы называть не будем.

Я глядел на недужных. Почти у всех я заметил раздувшиеся шеи, гигантские зобы выпячивались вперед или искажали черты их лиц. Бедняги страдали от золотухи, болезни, омрачавшей жизнь множества людей. В народе ее прозвали «королевской хворью» или «королевским пороком», поскольку монарх обладал способностью исцелять ее наложением рук. Внизу в зале собралось не меньше двухсот страдальцев.

– В среду ко мне приходил гость, – еще тише продолжила леди Квинси. У меня по коже забегали мурашки. – Мой пасынок Эдвард Олдерли.

Один из королевских докторов по очереди подводил больных к трону, и те вставали перед его величеством на колени. Некоторые хромали, кое-кто еле ковылял на костылях, других несли близкие. Мужчины, женщины, дети, богато одетые джентльмены, жены торговцев, крестьяне, ремесленники, нищие. Перед Господом все равны.

Внизу что-то неразборчиво зачитывали вслух из молитвенника: я не мог разобрать ни слова.

– Эдвард был в бодром расположении духа, – продолжила леди Квинси. – К тому же исполнен самодовольства, почти как при жизни отца. Дела его процветают, – во всяком случае, именно такое впечатление он постарался у меня создать.

Повисла пауза, и теперь до меня долетали только звуки толпы внизу и приглушенное нечленораздельное бормотание чтеца.

Наконец она спросила:

– Вам известно, где сейчас можно найти его кузину Кэтрин? Просто кивните или покачайте головой.

Я кивнул. Во время моей последней встречи с Эдвардом Олдерли он произвел на меня впечатление спесивого грубияна, и я был уверен в том, что его кузина не обрадуется, если он снова появится в ее жизни.

– Хорошо. Передадите ей от меня устное послание?

– Да, – ответил я.

– Эдвард сказал мне, что знает, где она прячется. Заявил, что это большой секрет, но скоро я все узнаю. – Леди Квинси выдержала паузу. – Мой пасынок отомстит ей за то, что она с ним сделала. Он сказал, что Кэтрин Ловетт не уйти живой от него и его друзей и он еще спляшет на ее могиле.

– Друзей? Каких друзей?

Леди Квинси пожала плечами и умолкла.

Я удивился, что нашлись люди, желающие стать друзьями Эдварда Олдерли, этого хвастуна с замашками деспота, к тому же его покойный отец был изменником. В прошлом году, торопясь смыть позор, леди Квинси вернула себе фамилию и титул, доставшиеся ей от первого супруга.

Между тем внизу, в зале, король длинными пальцами поглаживал шею стоявшей на коленях больной, в толпе кто-то плакал, а священник монотонно и неразборчиво бормотал молитву. Лицо короля было серьезно, массивные черты придавали ему меланхоличный вид. Монарх глядел поверх головы коленапреклоненной женщины. Казалось, будто он смотрит прямо на меня.

– Думаете, слова Олдерли – не пустые угрозы? – спросил я.

Леди Квинси пошевелинулась, и ее рука на долю секунды задела мою.

– Эдвард приходил, чтобы... – Она выдержала паузу, как будто решая, что сказать. – Возможно, он рассчитывал произвести на меня впечатление. Или... или запугать меня.

– Запугать? – Я снова повернулся к леди Квинси, но ее лица не было видно. – Вас? С чего бы вам его бояться?

– Окажите мне услугу: предупредите Кэтрин, – не ответив на мой вопрос, произнесла леди Квинси. – Дайте слово, что известите ее при первой возможности. Не желаю, чтобы ее смерть была на моей совести.

– Даю слово.

– Полагаю, Эдвард расправился бы с ней собственными руками, если бы мог. – Леди Квинси на минуту умолкла, затем резко сменила тему: – В воскресенье я буду слушать утреннюю проповедь в церкви Святого Олафа. Знаете, где она? На углу Харт-стрит и Ситинг-лейн.

Я кивнул. Эта церковь, расположенная неподалеку от Тауэра, одна из немногих уцелела во время Великого пожара.

– Давайте встретимся там, но не в самой церкви. После проповеди ждите меня на улице в наемном экипаже. Хочу сохранить наш разговор в секрете.

– Как пожелаете. – Я сразу оживился. – Можно узнать почему?

Но леди Квинси уже отвернулась. Она заскользила сквозь толпу к двери, а следом шел ее маленький сопровождающий. Теперь я разглядел, что это черноволосый мальчик – должно

быть, паж леди Квинси, только без ливреи. Он шел, завернувшись в слишком длинный плащ с высоким воротником.

Стоило леди Квинси скрыться на лестнице, и меня охватило разочарование. Слуга последовал за госпожой. В дверях он оглянулся, и я увидел, что мальчик – африканец.

После того как леди Квинси и ее паж скрылись, я выждал несколько минут, чтобы не столкнуться с ней случайно. Затем я тоже покинул балкон и спустился на Пebbл-корт за Банкетным домом. Небо было затянуто серыми тучами, мостовая под ногами стала мокрой и скользкой.

Как и всегда в те дни, когда король исцелял недужных, покои дворца, куда допускались посетители, были забиты до отказа. Страждущие приходили не одни: их сопровождали родные и друзья, желавшие и поддержать больного, и увидеть чудо королевского руконаложения. Обычно многолюдные церемонии исцеления в сентябре не проводят, но количество желающих было так велико, что король отдал соответствующий приказ. Карл II был проникательным человеком, отдававшим себе отчет в том, насколько важно напоминать подданным о божественной природе королевской власти. И разве чудо наложения монарших рук не лучший способ доказать, что наш правитель – помазанник Божий?

Я направился в противоположный угол двора, прошел через дверь и поднялся в Тихую галерею. Господин Чиффинч ждал меня в покоях, где проходили ежеквартальные собрания Совета красного сукна, в котором он состоял. Я же был секретарем Совета. Чиффинч сидел в одиночестве, остальные заседатели уже ушли обедать. Он расположился у окна, и возле его локтя стояла бутылка вина. Чиффинч был дородным мужчиной, из-за румянца его лицо выглядело добродушным, но это впечатление было обманчивым.

Власть Чиффинча не бросалась в глаза, однако он обладал большим влиянием, чем многие придворные: ведь он служил хранителем личных покоев короля и к тому же его личным секретарем, а это означало, что только Чиффинч решал, кого допустить к монарху. Именно Чиффинч велел мне ждать леди Квинси на балконе Банкетного дома, объявив, что таков приказ короля и его величество рассчитывает на мою деликатность. Кроме того, мне было велено исполнять любые распоряжения ее светлости.

– И чего же она хотела? – поинтересовался Чиффинч.

– Не имею права говорить об этом, сэр.

Чиффинч пожал плечами: мой ответ его раздосадовал, но не удивил. Он не любил пребывать в неведении, однако король посвящал его не во все свои дела.

– Надеюсь, вы не привлекли к себе внимания?

– Похоже, что нет, сэр.

– Вот что я вам скажу, Марвуд: в чем бы ни состояло ваше поручение, постарайтесь оправдать наши ожидания, иначе вы горько пожалеете о своих ошибках. Король не любит, когда его разочаровывают. А сейчас он отнюдь не в снисходительном настроении, в чем лорд Кларендон убедился на собственном горьком опыте.

Я отвесил поклон. Несколько месяцев назад король отправил в отставку лорд-канцлера Кларендона, своего давнего советника. Это событие стало самым большим политическим потрясением со времен Реставрации монархии семь лет назад. Но отставка не лишила лорда Кларендона политического влияния. Его дочь была замужем за родным братом Карла II, герцогом Йоркским. Поскольку законнорожденных детей у его величества не было, а королева Екатерина вряд ли могла подарить супругу наследника, герцог стал предполагаемым наследником своего венценосного брата. Более того, следующими претендентками на престол были внучки Кларендона, пятилетняя принцесса Мария и ее младшая сестра Анна. В случае смерти короля Кларендон вполне может стать еще более важной фигурой, чем сейчас.

– Времена нынче опасные, – продолжил Чиффинч. – Большие люди то высоко взлетают, то низко падают и тащат за собой маленьких. Уж если сам милорд Кларендон впал в немилость, такая же судьба может постигнуть любого. Но разумеется, там, где можно упасть, есть шанс и взлететь. – Чиффинч замолчал, наполнил бокал и, понизив голос, продолжил: – Чем больше мне известно, тем лучше я служу королю. Если вы мне откроетесь, то и его величеству, и мне будет только польза.

– Простите, сэ, не могу.

Я подозревал, что Чиффинч ищет способ подорвать доверие, которое питал ко мне король.

– И все же любопытно, почему ее светлость выбрала для встречи с вами именно Банкетный дом, да еще и во время церемонии исцеления, – продолжил Чиффинч, устремив взгляд на содержимое своего бокала. – Леди Квинси нынче редко бывает в Уайтхолле. Впрочем, это вполне объяснимо. Одной смены имени недостаточно, чтобы все забыли о ее браке с обанкротившимся мошенником Генри Олдерли.

Я ничего не ответил. Отец Эдварда Олдерли был повинен и в худших прегрешениях, чем кража чужих денег, но, кроме короля и меня, об этом знали лишь очень немногие. Когда погиб Генри Олдерли, я сослужил королю хорошую службу, и тогда же я повстречался с леди Квинси. Впоследствии я помалкивал обо всем, что мне известно, и тем самым заслужил доверие его величества.

Чиффинч поднял глаза, и в его взгляде мелькнуло злорадство.

– Леди Квинси хорошенько вас разглядела, Марвуд? Заметила, как вы изменились со дня вашей последней встречи? – Он отвернулся и сплюнул в пустой камин. – Надо думать, ее светлость была неприятно удивлена. Ведь смазливый юношей вас больше не назовешь, верно?

Глава 3

Поздно вечером в пятницу дождь барабанил по большим окнам чертежного бюро на Генриетта-стрит под вывеской со знаком розы. Весь день ливень усиливался из-за шквалистого западного ветра. Если из-за туч станет еще темнее, придется зажигать свечи.

Не считая шума дождя, в мастерской царил такая тишина, что слышно было, как царапает бумагу перо господина Хэксби и скрипят половицы под чертежником Бреннаном, когда тот переступал с ноги на ногу. Бреннан трудился над детальным проектом фасадов для новых домов в Драгон-Ярде неподалеку от Чипсайда: сейчас это был самый важный заказ господина Хэксби.

Кэтрин Ловетт стояла за чертежной доской, установленной перпендикулярно одному из окон. Шея и плечи ныли. Последние полчаса она провела за другой работой. Кэт писала чернилами список необходимых материалов и их количества рядом с планом нового склада возле порта.

Аккуратно обводить карандашные буквы – скучная механическая работа, а в здании склада не было ничего интересного и примечательного, однако мыслями Кэт витала далеко: она представляла садовый павильон в поместье Кларендон-хаус. Они с господином Хэксби работали там сегодня утром. К ним приходил господин Милкот, чтобы обсудить установку подвальной перегородки. Господин Милкот выступал посредником его светлости, и Кэт невольно пришла в голову мысль, что их жизнь стала бы гораздо приятнее, если бы все клиенты, подобно этому джентльмену, разговаривали с ними любезно и точно знали, чего желают.

Кэт потеряла глаза и потянулась. Она обмакнула перо в чернильницу, и тут раздался стук в дверь. Отложив перо, Кэт направилась к двери – впускать посетителей было ее обязанностью, кроме того, она должна была поддерживать огонь в камине, подметать и мыть полы, наполнять чернильницы и точить перья.

На лестничной площадке стоял мальчик на побегушках, выполнявший поручения сторожа. Он протянул Кэт письмо. Девушка разобрала кое-как написанный небрежным почерком адрес Хэксби. Она отнесла письмо архитектору. Тот сидел у огня, съживившись, хотя день выдался отнюдь не холодным. К подлокотникам его кресла были прикреплены доски, на которых Хэксби мог писать и чертить, когда у него не дрожали руки.

Сломав печать, архитектор развернул письмо. Бумага затрепетала в его покрытых старческими пятнами руках. Внутри скрывалось еще одно письмо. Озадаченно нахмурившись, Хэксби передал это послание Кэт. Ее имя – вернее, то имя, под которым она жила на Генриетта-стрит, «госпожа Джейн Хэксби», – было написано на нем тем же почерком, что и на первом листе.

– Что это такое? – недовольным тоном осведомился Хэксби. – Для меня здесь ничего нет. Вам известно, откуда это письмо?

Бреннан вскинул голову. Он отличался и остротой слуха, и остротой ума.

– Нет, сэр, – тихо ответила Кэт, скрывая раздражение.

Теперь, когда у Хэксби появилась вторая причина ожидать ее полного повиновения, в его голосе все отчетливее звучали повелительные нотки. Кэт развернула послание и пробежала глазами по строчкам.

Мне нужно с вами встретиться. Завтра буду на Новой бирже около 6 часов вечера. Ищите меня в лавке господина Кнеллера, он торгует кружевом на верхней галерее. Сожгите это письмо.

Ни подписи, ни даты. Но автором письма мог быть только один человек. Кэт бросила бумагу прямиком в пылающее сердце камина.

– Джейн! – рявкнул господин Хэксби. – Немедленно достаньте письмо! От кого оно? Я должен на него взглянуть.

Слишком поздно. Язык пламени лизнул угол листа, и вот огонь уже плясал по всему краю. Послание почернело. На секунду Кэт бросилось в глаза одно слово – «сожгите», – а потом бумага съежилась, затрепетала и обратилась в кучку горячей золы.

Глава 4

По воле случая субботним вечером я задержался в Уайтхолле дольше, чем рассчитывал. На службе я столкнулся с непредвиденными осложнениями. К великой досаде Чиффинча, большую часть времени я трудился под началом господина Уильямсона, заместителя лорда Арлингтона, государственного секретаря по делам Южного департамента и одного из самых влиятельных королевских министров. В обязанности господина Уильямсона входило издавать «Лондон газетт», правительственную газету. Под его руководством я изо дня в день ташил на себе груз забот: редактировал материал, относил его в печатню и следил за тем, чтобы новый выпуск дошел до читателей.

В Лондоне распространением «Газетт» в основном занимались женщины, они разносили номера по городским тавернам и кофейням, а также отдавали свежие газеты перевозчикам, после чего те развозили их по всему королевству. В этом месяце новые выпуски все чаще доставляли с опозданием, а порой не доставляли вовсе. Скорее всего, подобные случаи объяснялись привычным сочетанием непредвиденных обстоятельств: смерть, болезнь, пьянство и обычное разгильдяйство. И надо принять во внимание, что женщинам мы платили жалкие гроши, да и те задерживали неделями. Но лорда Арлингтона не интересовали причины. В перерывах доставки он винил Уильямсона, а тот, в свою очередь, меня.

Наконец освободившись, я спустился по общественной лестнице Уайтхолла, сел в лодку – к счастью, был отлив – и отправился к Чаринг-Кросс водным путем. Солнце стояло низко, и его косой луч падал на нас через зазор между облаками.

Перед Новой биржей Стрэнд был забит ожидавшими господ каретами и портшезами, из-за чего движение в обоих направлениях почти остановилось, лишь время от времени чуть оживляясь. Сердитые возницы прокладывали себе путь к Сити, или к расположенному выше по реке Уайтхоллу, или мимо королевских конюшен к Гайд-парку. Пешеходы же перемещались по Стрэнду намного быстрее.

Когда я входил в здание Новой биржи, часы уже били шесть. После того как в прошлом году город постигло несчастье в виде Пожара, уничтожившего лавки Чипсайда, старую Королевскую биржу в Сити и многие другие здания, на Новой бирже стало еще многолюднее, чем прежде. Казалось, весь мир собрался здесь, чтобы продавать и покупать. На Новой бирже горделиво хвастались, что в этом здании под одной крышей отыщется все, чего душа пожелает. Можно побаловать себя предметами роскоши со всех концов света, и для этого даже не нужно топтать по грязи, мокнуть под дождем и слушать грубые окрики уличных торговцев.

Я заставил себя замедлить шаг: по Новой бирже прогуливаются не торопясь, а значит, спешащий человек привлечет внимание. Лавки, занимавшие два этажа, длинными рядами тянулись напротив друг друга. Я направился к лестнице. На верхних галереях народу оказалось еще больше, чем внизу.

Господин Кнеллер занимал одно из самых просторных торговых помещений с широкой многостворчатой витриной, чтобы покупатели могли лучше видеть выставленные на продажу товары. Львиную долю ассортимента господина Кнеллера составляли товары из Франции и Голландии.

Я замер на пороге. Через окно широкими полосами струились последние предзакатные лучи солнца, озарявшие своим сиянием шелка и кружева. В лавке толпились покупатели и мужского, и женского пола: в воздухе стоял тяжелый запах благовоний, отовсюду звучал гул голосов и шелест юбок. Супруга хозяина, миловидная женщина лет тридцати, показывала ленту ажурного кружева богато одетому джентльмену с лошадиным лицом. Однако того больше интересовал не товар, а сама хозяйка. Женщина мельком глянула на меня, затем опять сосредоточилась на покупателе.

– Любуется хозяйкой?

Я резко повернулся влево. Снизу вверх на меня смотрела Кэт. На ней был легкий плащ и шляпа, почти полностью скрывавшая лицо.

– Что за глупости! – тут же принялся оправдываться я. – Я просто искал вас.

– Вы лжете, сэр, – ответила Кэт. – Как и все мужчины.

Глава 5

Кэт позволила Марвуду отвести ее в тихий уголок, частично отгороженный от торгового зала прилавком, на котором подмастерья разворачивали самые большие мотки кружев. В последний раз она видела Марвуда три-четыре месяца назад. Кэт украдкой взглянула на него, уверенная, что он тоже исподтишка разглядывает ее.

Он выглядел более преуспевающим, чем раньше, а еще отчего-то казался старше. На нем был новый парик, более красивый и пышный, чем прежний. Лицо округлилось – когда Кэт видела его в последний раз, боль и лауданум заострили его черты.

Главное – вести себя непринужденно: они просто пара, решившая скоротать часок на Новой бирже, побаловать себя обновлениями. Кэт взяла кусок кружева.

– Как думаете, это богемское?

– Мне нужно с вами поговорить, – вполголоса произнес Марвуд. – Дело срочное.

– Разумеется. Но пока вы излагаете свое дело, все должны думать, будто мы просто выбираем кружева.

Она поглядела на Марвуда, склонив голову набок, чтобы лучше разглядеть левую сторону его шеи. К удивлению Кэт, Марвуд взглянул на нее с иронией, но без враждебности.

– Ну и как вы находите мою наружность? – осведомился он.

– Сейчас вы выглядите лучше. Во всяком случае, насколько я могу судить. Парик и воротник скрывают большую часть шрамов.

Марвуд пожал плечами, явно гоня от себя воспоминания о том, как его обезобразил огонь. Он тихо продолжил:

– Ваша тетушка говорила со мной о вас.

Во взгляде Кэт отразилось удивление. Повысив голос, она сказала:

– Пойдемте к окну, сэр. Хочу рассмотреть кружева как следует.

Они остановились в оконном проеме. Кружева в руке Кэт будто струились и напоминали паутину, покрытую инеем. Девушка поднесла их к стеклу и принялась разглядывать.

– Леди Квинси? – переспросила Кэт. – Что ей от меня нужно? Прошло столько времени! Даже не верится, что тетушка до сих пор обо мне помнит. Будучи замужем за моим дядей, она ничего для меня не делала и, пока мы жили под одной крышей, не пошевелила и пальцем, когда я больше всего нуждалась в помощи.

– Однако сейчас леди Квинси хочет вам помочь.

– Не сомневаюсь, именно так она вам и сказала, сэр. – Кэт почувствовала, как к горлу подступает едкая, как желчь, злоба. – Вы же верите каждому ее слову. Вы всегда испытывали к ней... как бы выразиться по деликатнее?... теплые чувства.

– Не представляю, о чем вы, – холодно произнес Марвуд. Он наклонился и прошептал Кэт на ухо: – К леди Квинси приходил ваш кузен Эдвард Олдерли. Он утверждает, что ему известно, где вы скрываетесь. Олдерли намерен добиться того, чтобы вы окончили дни на виселице.

– Возможно, это лишь пустая болтовня, – ответила Кэт. Заметив, что ей удалось вывести Марвуда из себя, она испытала удовлетворение. – У Эдварда всегда хорошо получалось закрывать глаза на правду.

– Вы не в том положении, чтобы рисковать. Леди Квинси полагает, что ваш кузен говорил искренне. Ордер на ваш арест по-прежнему в силе, вы обвиняетесь в измене за то, что оказывали помощь и содействие своему отцу-цареубийце. Обвинения так и не были сняты.

– Разве я могла поступить иначе? – задала риторический вопрос Кэт. – Что бы он ни совершил, отец есть отец. Кроме того, я старалась не вмешиваться в его дела.

– Олдерли сказал леди Квинси, что у него есть влиятельные друзья и они помогут ему с вами расквитаться.

– А я думала, после дядиного позора от Эдварда все отвернулись.

– Очевидно, вы заблуждаетесь, – произнес Марвуд. – Леди Квинси поверила Олдерли и по доброте душевной хочет вас предостеречь.

– Тетушка Квинси? По доброте?

– Вы должны покинуть Генриетта-стрит. Хотя бы на некоторое время. Оставаться там опасно.

Тут Кэт вспыхнула:

– С какой стати я должна бежать от Эдварда? Я устала постоянно находиться в бегах.

Марвуд взглянул на ближайшего подмастерья: до того явно долетели слова Кэт. Подойдя ближе к девушке, Джеймс развернулся, загоразивая ее собой.

– Ради вашей безопасности.

– Я вам кое в чем признаюсь. – Кэт дотронулась до его рукава. – Знаете, что со мной сделал мой кузен?

– Да, разумеется. Он помог своему отцу обманом лишиться вас состояния, к тому же выступил против вас и...

– Эдвард взял меня силой.

– Что? – Марвуд потрясенно уставился на Кэт. – Я не понимаю...

– Что здесь непонятного? В отцовском доме он зашел в мою спальню ночью и изнасиловал меня. Я достаточно ясно выражаюсь, сэр? – Кэт понизила голос. – Вот почему я вонзила нож ему в глаз и сбежала из Барнабас-плейс. Я думала, что мой удар окажется смертельным. Но мне не удалось убить Эдварда, о чем я горько сожалею.

В этот момент к ним приблизился подмастерье и тихонько кашлянул.

– Сэр, госпожа, не желаете взглянуть на другие образцы? К нам из Антверпена недавно доставили кружева особенно тонкой работы.

– Не сейчас, – ответил Марвуд.

– Сэр, уверяю...

– Оставьте нас! – повысила голос Кэт. – Сейчас же.

В лавке тут же стало тихо. Взгляды доброй половины покупателей были обращены на Кэт и Марвуда. Миловидная жена хозяина тоже смотрела в их сторону.

– В другой раз, – обратился Марвуд к подмастерью.

Взяв Кэт под руку, он вывел девушку из лавки. «Попытка не привлечь к себе внимания провалилась с треском», – заключила Кэт. Марвуд направился к лестнице, они спустились на первый этаж, и все это время девушка не произносила ни слова. От быстрой ходьбы завитой парик Марвуда раскачивался. На секунду Кэт увидела то, что осталось от его левого уха.

Как только они вышли на улицу, Марвуд резко развернулся к ней.

– Почему вы мне не сказали, что с вами сделал этот мерзавец? – спросил он.

– Какой смысл вам об этом говорить? Разве вас это касается?

Марвуд поджал губы, но ничего не ответил. А между тем последние лучи солнца скрылись, и серые тучи окутали город.

– Когда-нибудь... – продолжила Кэт таким ровным тоном, будто речь шла о сущем пустяке. – Когда-нибудь я убью своего кузена.

– Не говорите глупостей. Вы добьетесь только одного – вас отправят на виселицу, а ведь Эдварду именно это и нужно.

– Вы забываетесь. Не имеете права мне указывать.

Марвуд отвел взгляд.

– В любом случае в интересах вашей безопасности будем исходить из предположения, что Олдерли снова вас нашел. А это значит, что вы должны покинуть чертежное бюро господина

Хэксби, вам нельзя оставаться на Генриетта-стрит. Лучше будет, если вы на какое-то время уедете из Лондона.

– Я не могу.

– У вас нет другого выхода.

Кэт покачала головой:

– У нас очень много работы. Я не должна подводить господина Хэксби. И кстати, мне пора, до встречи с нашими клиентами осталось меньше часа. К тому же...

– Если дело упирается в деньги, я вам помогу. У меня с собой пять фунтов.

Щедрое предложение Марвуда растрогало Кэт.

– Вы не понимаете, сэр, – уже мягче ответила она. – Если мне понадобятся деньги, я попрошу их у господина Хэксби. Мы с ним помолвлены. Скоро он станет моим мужем.

Неделя в чертежном бюро оказалась удачной, судя по записям, которые Кэт делала в приходе-расходной книге господина Хэксби, и в субботу вечером они по устоявшейся привычке ужинали все вместе. Хэксби был бережлив, но не скуп. Недостатка в работе они не испытывали, ведь после Пожара половина Лондона превратилась в одну большую стройку.

Хэксби был человеком привычки, и поэтому он всегда угощал Кэт и Бреннана в отдельной комнате «Барашка» на Уич-стрит. Эта таверна видала лучшие времена, но здесь господина Хэксби знали, ценили как постоянного посетителя и, какая бы сильная дрожь на него ни нападала, относились к этому как к мелочи, не стоящей внимания. Обычно вечера проходили весело, и даже господин Хэксби позволял себе пропустить бокальчик-другой вина, хотя из-за этого его симптомы усугублялись.

Еще несколько месяцев назад Кэт не поверила бы, что согласится провести вечер в компании Бреннана. В начале их знакомства все вызывало ее отвращение – и он сам, и то, что он посмел добиваться ее благосклонности, и средства, которые он использовал для достижения этой неосуществимой цели. Но Кэт разрешила это затруднение, Бреннан смирился с ее отказом, и со временем девушка прониклась к нему уважением: он был умелым чертежником, к тому же он отличался надежностью и по-доброму относился к господину Хэксби.

На Генриетта-стрит Бреннан пришел с блестящими рекомендациями от доктора Рена, и время показало, что похвалы были вполне заслуженными. Сначала Бреннан работал у Хэксби сдельно, теперь же тот выплачивал чертежнику постоянное жалованье. Кэт подозревала, что о Бреннана есть кому позаботиться: должно быть, под материнскую опеку его взяла молодая женщина из кондитерской на Бедфорд-стрит.

В тот вечер они ужинали позже обычного: было уже почти девять. Вечер выдался теплый, однако Кэт казалось, будто она промерзла до костей. Девушка никак не могла сосредоточиться на разговоре мужчин. Из головы не шли мысли о кузене Эдварде. Кэт задавалась вопросом, удастся ли ей когда-нибудь снова стать счастливой.

Поначалу Хэксби и Бреннан не замечали ее молчаливости. Оба были в приподнятом настроении, отчасти из-за вина, отчасти из-за того, что Хэксби неожиданно получил часть платежа за проект в Кларендон-хаусе и благодаря этому выплатил Бреннану премию. Несмотря на политические дразги, лорд Кларендон оставался влиятельным клиентом и законодателем мод. Хэксби беспокоился, что работа над павильоном окажется под угрозой, ведь ее светлость, особенно заинтересованная в этом проекте, недавно скончалась. А еще его светлость не только впал в немилость при дворе – ходили слухи, что у лорда Кларендона трудности с деньгами. Однако же деньги архитектор получил. По всей видимости, благодарить за платеж следовало господина Милкота.

Но во время ужина Кэт заметила, что Хэксби то и дело бросает на нее обеспокоенные взгляды. Девушка понимала, что он все больше и больше от нее зависит, а когда его болезнь усугубится, Хэксби и шагу ступить без нее не сможет. Свадьба была назначена на

конец октября, в следующем месяце о бракосочетании будет объявлено. Скромная церемония состоится в новой церкви в Ковент-Гарден.

– Здание в стиле Иниго Джонса, – с довольным видом рассуждал Хэксби. – Это вам не ветхие несуразные церкви, построенные в средневековых городках папистами.

После ужина, когда они спускались на первый этаж таверны, Хэксби дотронулся до руки Кэт и тихонько спросил:

– Как вы себя чувствуете? Вам нездоровится?

– Нет, сэр. Ничего страшного, просто женское недомогание.

Хэксби тут же шарахнулся от нее и взял под руку Бреннана. На улице архитектор объявил, что портшез брать не будет: он прекрасно дойдет до дома на своих двоих. Бреннан и Кэт переглянулись, молча согласившись, что одного Хэксби отпускать нельзя. Втроем они медленно брели в сторону двора «Трех петухов» рядом со Стрэндом – Хэксби снимал там комнаты на втором этаже одного из новых домов. Бреннан зашел во двор и проводил архитектора до самого порога, а Кэт задержалась на Стрэнде.

Бреннан вернулся очень быстро, и они вместе зашагали туда, откуда пришли. Кэт с радостью прогулялась бы одна: за прошедший год она усвоила законы лондонских улиц. Кэт всегда носила с собой нож и в случае необходимости хваталась за него без малейших колебаний. Но Хэксби будет недоволен, что она ходит одна после наступления темноты, и девушка позволила Бреннану себя проводить. К тому же им было по пути.

– Что-то случилось? – спросил Бреннан, когда они проходили мимо церкви Святого Климента Датского. – Вы за ужином и двух слов не сказали.

– Нет, ничего.

Ответ сорвался у нее с языка сам собой. Но затем Кэт вдруг передумала и приняла другое решение.

– А впрочем, это неправда. У меня и впрямь возникло одно... затруднение. Мне нужно на время уехать. Никто не должен знать, где я. Даже господин Хэксби.

– Почему?

– Не могу ответить.

– Куда же вы уедете?

– Даже не представляю.

– Что за глупости? – покачал головой Бреннан. – Это из-за того письма?

Кэт кивнула:

– Дело срочное. Мне необходимо уехать, и как можно скорее.

Они проходили мимо Сомерсет-хауса. Неподалеку отсюда к западу располагался Савой, где жил Марвуд, и Кэт подняла воротник плаща, пряча лицо.

Бреннан неверно истолковал ее действия.

– Бойтесь, что за вами следят?

– Возможно.

«Одинокая женщина неизбежно привлекает внимание, – подумала Кэт. – И чаще всего – нежелательное».

– Для вас очень важно, чтобы спальня была удобной? – вдруг спросил Бреннан.

Кэт устремила на него взгляд, исполненный негодования.

– Что?!

– Я имел в виду место, где вы будете скрываться, – торопливо пояснил Бреннан. – Что, если для вас найдется убежище, но жизнь там будет нищая и убогая – совсем не такая, к какой вы привыкли?

– А почему вы спрашиваете?

– Я знаю одно место, где вы сможете пересидеть неделю-две, а может, и дольше. Проживание стоит недорого.

– Если мне там ничто не будет угрожать, обойдусь и без пуховой перины, и без услуг горничной. Вы ведь о таких удобствах говорили?

– Раз так, я, пожалуй, смогу вам помочь. – Бреннан запнулся в нерешительности. – Хотя девушке вашего положения там, конечно, не место. Но зато вас точно не найдут. Никому даже в голову не придет там искать.

– И где же это ваше убежище?

– В нескольких милях от Лондона. Это лагерь погорельцев, он разбит на земле моего дядюшки. Раньше дядя ее возделывал, но после смерти сына его хозяйство пришло в упадок.

Глава 6

Когда мы с Кэт разошлись в разные стороны, я зашагал по Стрэнду к Савою. Мой дом был здесь, в Инфермари-клоуз, а тот, в свою очередь, располагался в лабиринте из ветхих зданий, в которых в былые времена размещался дворец и окружавшие его хозяйственные помещения. Савой до сих пор принадлежал короне, однако часть его территории была отдана под объекты различного назначения. Заполучить в свое распоряжение даже крошечный домишко вроде моего – большая удача: жилья в Лондоне на всех не хватало, особенно после того, как значительная часть города была разрушена из-за Великого пожара. Мой начальник господин Уильямсон замолвил за меня словечко в беседе с чиновником, занимавшимся вопросами сдачи королевского имущества внаем.

Я пребывал не в лучшем расположении духа. Когда мой слуга Сэм открыл дверь и взял у меня плащ, я выбрал его за неуклюжесть, хотя на самом деле он двигался со всей грацией, на какую способен человек без ноги, а ловкостью превосходил многих из тех, у кого обе нижние конечности были в целости и сохранности.

Жена Сэма, Маргарет, подала мне ужин. Когда я принялся за еду, она задержалась возле стола.

– Прошу прощения, сэр, вы, должно быть, из-за доставщиц «Газетт» не в духе? Моя подруга Доркас говорит, что они с ног сбиваются, бедняжка к вечеру от усталости падает.

Мне стало стыдно за то, что я срываю раздражение на прислуге: боясь потерять место, они не могут позволить себе возразить хозяину.

Уже мягче я ответил:

– Из-за них и по многим другим причинам.

– Я ведь почему спрашиваю? Тут я, пожалуй, могла бы вам помочь. Если нужно, буду разносить газеты несколько раз в неделю – с вашего согласия, разумеется. Или объединюсь с Доркас. Я ее и раньше так выручала.

Предложение было весьма любезным. Прежде чем поступить на службу ко мне, Маргарет тоже доставляла газеты и до сих пор поддерживала дружеские отношения с некоторыми разносчицами. Обязанности ей знакомы. Но при этом мне было известно, что ей неприятна эта работа, ведь молодым и привлекательным женщинам часто приходилось терпеть непрощенные знаки внимания.

– Спасибо, – ответил я. – Но вы нужны мне здесь.

Я сказал Маргарет, что она может быть свободна. В каком-то смысле даже хорошо, что Маргарет и Сэм думают, будто мое дурное настроение вызвано неприятностями с «Газетт». Им вовсе незачем знать правду.

Потом я сидел у окна, выходящего на крыши и стены. Дневной свет медленно угасал, а я все думал о Кэтрин Ловетт и ее неблагодарности. Неужто эта женщина не понимает, что я пытаюсь спасти ей жизнь? Откуда в ней столько глупого упрямства? Или глуп я, поскольку безо всяких на то причин пекусь о ее благе?

Доводя себя до состояния угрюмой злобы, я всячески подпитывал свою обиду. Но на самом деле меня вывело из равновесия признание Кэт: я не подозревал, что Эдвард Олдерли взял ее силой. А еще меня смущало ее обручение с Саймоном Хэксби, человеком, годившимся ей в отцы, а то и в деды.

Поступок Олдерли должен был возмутить меня лишь в отношении общечеловеческой морали: воспользоваться беспомощностью невинной кузины, которой отец Эдварда дал приют под своей крышей! Ну а что касается обручения, с точки зрения той же морали мне следовало порадоваться за Хэксби и Кэт: он даст ей уверенность в завтрашнем дне, а она привнесет в его жизнь юношеский задор.

Однако я не мог смотреть на обе эти ситуации с позиции стороннего наблюдателя и испытывал глубокое возмущение. Отчего-то сама мысль о каждой из них больно меня задевала. Отчаянно желая отвлечься, я углубился в размышления о леди Квинси, но и в них утешения не нашел. Завтра я снова ее увижу, однако я не имел ни малейшего представления, почему она желает, чтобы я забрал ее из церкви в наемном экипаже. Имеет ли это отношение к ее пасынку Эдварду Олдерли и предупреждению, которое леди Квинси просила меня передать Кэт? При одной мысли об этом мне стало не по себе. Я бы предпочел, чтобы наши с Эдвардом Олдерли пути более не пересекались ни в этой жизни, ни в следующей.

У моего волнения была и другая причина: мне предстояла новая встреча с леди Квинси. Несмотря на различия в нашем статусе, когда-то я испытывал к этой женщине влечение. Тогда желать ее было глупостью с моей стороны, а сейчас это и вовсе непростительная ошибка. Кроме того, как мне верно напомнил Чиффинч, кому нужен такой, как я?

Глава 7

Кэт готовилась к отъезду. Она ощущала странное спокойствие, как будто ее судьба уже решена и что бы она ни делала, ей не под силу изменить предначертанное.

У себя в комнате Кэт отыскала холщовую сумку, с которой пришла на Генриетта-стрит. Девушка положила туда запасную сорочку и чулки. На плечи она накинет старый плащ. Она взяла половину буханки хлеба, оставшуюся после завтрака. Ей не хотелось расставаться с трудом Палладио – потрепанным трактатом, который ей подарил господин Хэксби, – однако брать его в дорогу по меньшей мере неблагоприятно: хотя все четыре книги «I quattro libri dell'architettura»¹ были переплетены в один том, фолиант получился таким громоздким и тяжелым, что станет для беглянки только обузой. В качестве утешения она упаковала свой блокнот и миниатюрную дорожную шкатулку для письма, в которой были ручка, чернила, линейка, латунный транспортир и карандаши. В кошельке у нее было почти тридцать шиллингов, – по крайней мере, не придется бежать из дому без гроша в кармане.

Через открытое окно до Кэт донесся бой церковных часов. Одиннадцать. У нее пересохло в горле. Она и без того слишком много времени провела в бегах, и ей вовсе не улыбалось опять скитаться как неприкаянной. Застегнув плащ, Кэт взяла сумку и обвела взглядом чертежное бюро. В сиянии свечей оно казалось призрачным – повсюду лишь игра теней и грез. Здесь Кэт была счастлива, она вовсе не желала уходить.

Кэт задула все свечи. Единственным источником света остался маленький фонарь, с которым они поднимались и спускались по лестнице после наступления темноты. На лестничной площадке Кэт заперла за собой дверь и убрала ключ в карман у себя под юбкой. Там ключ стукнулся о нож, с которым девушка никогда не расставалась.

Когда она спускалась по ступенькам, освещая себе путь фонарем, круг света плясал, будто от корабельной качки. Сторож спал на своей койке, однако стоило Кэт войти в коридор, он тут же зашевелился.

– Уходите, госпожа? В такой час?

– Разве я не говорила? – произнесла Кэт. – Я буду ночевать у старой подруги. Они с отцом ждут меня. Будьте добры, отоприте дверь.

Сторож одну за другой отодвинул задвижки и поднял засов.

– Для походов по гостям уже поздно, госпожа.

– Все нет. Они ужинали с друзьями, и сейчас они ждут меня в Ковент-Гарден. – Кэт отыскала в кошельке шесть пенсов и протянула монету сторожу. – Прошу вас, окажите мне услугу – никому не говорите, что я ушла. Особенно господину Хэксби. Незачем зря его волновать.

– Не беспокойтесь. Я сохраню вашу тайну. – Сторож посмотрел на девушку с неприятной ухмылочкой. – Я могила, госпожа.

Несмотря на поздний час, в ярко освещенных аркадах Ковент-Гарден было многолюдно: повсюду толпились нарядно одетые театралы, гуляки и куртизанки, а среди них, будто вши в пышной копне волос, копошились воры, уличные торговцы и попрошайки, каждый занятый своим ремеслом.

За прошедшие несколько месяцев Кэт успела познакомиться с этим миром любителей увеселений и теперь с уверенностью преодолела опасный путь. Знакомая неказистая фигура Бреннана ждала ее у входа в Королевский театр на Бриджес-стрит. Завидев Кэт, он сразу устремился к ней. Рядом с ним шел маленький слуга с факелом, пламя которого то и дело ярко

¹ «Четыре книги по архитектуре» (ит.).

вспыхивало и плясало на ветру. При свете факела Кэт увидела, что лицо Бреннана побледнело, а мышинные черты лица от волнения заострились еще больше.

– Вы пришли! А я уж решил, что вы передумали.

– Ну конечно пришла, – ответила Кэт. – Вы все устроили?

– Да. Я обо всем договорился. У вас есть деньги? Если нет, я одолжу...

– Деньги есть.

– Будет лучше, если мы пойдем пешком. – Бреннан запнулся в нерешительности. – Вы не возражаете? Можно я возьму вас под руку?

– Разумеется, – произнесла Кэт. – А мы не могли бы обойтись без мальчика-слуги с факелом?

Бреннан кивнул:

– Я хорошо знаю дорогу.

Поначалу факел и впрямь был не нужен, поскольку их путь пролегал по Боу-стрит до Лонг-Акр, а там жизнь была ключом почти так же, как в Ковент-Гарден. Но возле церкви Святого Эгидия в Полях обстановка царилась совсем другая. На дороге то и дело попадались участки, погруженные во тьму, к тому же идти приходилось по жидкой грязи, и они постоянно рисковали оступиться и упасть в канаву. Но Бреннан не соврал: с таким проводником Кэт и впрямь было не о чем беспокоиться, хотя ее все сильнее раздражала его привычка постоянно спрашивать, не устала ли она и не слишком ли быстро он идет.

– Спасибо за заботу, но я в ней не нуждаюсь, – наконец не выдержала Кэт. – Я вам не фарфоровая ваза. Если не возражаете, я бы хотела поберечь дыхание для ходьбы.

– Хотите, я провожу вас до места назначения? В воскресенье мне в чертежное бюро не нужно. А убедившись, что вы на месте и все благополучно, смогу добраться до города и пешком.

– Нет, – возразила девушка. – Лучше поеду одна. Что, если меня хватится господин Хэксби? Он сразу же пошлет за вами. Вы должны быть рядом, чтобы успокоить его. Скажите господину Хэксби, что я отправилась к подруге, но куда именно, вы не знаете.

Постоялый двор оказался маленьким, низким зданием возле церкви Святого Эгидия в Полях. Через центральные ворота они вошли во двор. Перед ними тянулось длинное здание конюшни.

– Дядя Мангот никому не доверяет, – шепотом пояснил Бреннан. – Дело в том, что лошадь не его. Дядя взял ее напрокат у соседа, и, если кобылу украдут, ему вовек не расплатиться. Да и в любом случае во дворе ночевать дешевле, а когда ворота запирают на засов, тут не опаснее, чем в комнате.

Дядю Бреннана они нашли в дальнем конце конюшни. Лошадь стояла в стойле, а старик сидел в маленькой крытой повозке, стоявшей во дворе. В темноте Мангота трудно было разглядеть. Рядом с повозкой висел глиняный горшок с горящей лучиной, но в окружающей тьме лицо старика казалось мутным пятном.

Бреннан замедлил шаг и дотронулся до локтя Кэт.

– Чуть не забыл. Если дядя спросит про меня, не говорите, что мы работаем в Кларендон-хаусе.

– Почему? – шепотом спросила Кэт.

Зашуршала солома, и дрожащий старческий голос спросил:

– Кто идет?

– Дядя Мангот, это я, – обратился к нему Бреннан. – Я привел ее.

Мужчина в повозке подался вперед.

– Опоздываешь. Это та самая девушка? Придется вам сегодня ночевать здесь, со мной. Поедем, когда рассветет.

– Хорошо, – ответила Кэт.

– Эта девушка мой друг, дядя, – заметил Бреннан. – Ты ведь будешь с ней любезен? Пустишь ее ночевать в дом? Она за все заплатит.

– Как пожелаешь. – Старческий голос звучал слабо и неуверенно, будто хозяин редко им пользовался. – Вот только покупать здесь нечего. Пускай работает за стол и кров. Давненько у меня не было прислуги.

– Никто не должен знать, что она живет у тебя, – прибавил Бреннан. – Обещай, что на ферме она будет в безопасности.

Мангот перегнулся через борт повозки и сплюнул.

– Я-то лишнего не сболтну. Главное, чтобы вы с ней держали рот на замке. – В темноте раздался звук, напоминавший смех. – Ничего с ней не случится, племянник. Гости к нам заглядывают редко. Мои погорельцы любого нечестивца отпугнут.

Кэт шагнула вперед, и на нее упал свет лучины.

– Пять шиллингов, – произнесла она. – За неделю. Такие условия мне обещал ваш племянник.

– И отдельная комната, – прибавил Бреннан.

Мангот фыркнул:

– Про комнату ты не говорил. Тогда семь шиллингов.

Бреннан принялся возражать, но старик упорно стоял на своем. Конец спору положила Кэт, достав кошелек и отсчитав требуемую сумму.

– И вот еще что, – прибавил Мангот, когда девушка выкладывала монеты ему на ладонь. – Придется вам делить повозку с другим пассажиром.

– С кем? – уточнила Кэт.

– Его зовут Израил Хэлмор. Раньше был перчаточником. До Пожара держал лавку в Чипсайде, а теперь остался ни с чем.

Ферма Мангота находилась в нескольких милях от Лондона по направлению к Сент-Олбансу. Она стояла на окраине деревни под названием Вур-Грин.

Мангот сдержал обещание и выехал со двора таверны на рассвете. Всю ночь Кэт зябла, кутаясь в плащ и прижимаясь к мешкам с мукой. Ее трясло почти непрерывно, хотя виной тому был не один только холод. Израил Хэлмор прибыл под утро, разбудив забывшуюся тревожным сном Кэт. Второй пассажир оказался сильно нетрезв и почти сразу же уснул.

Кроме муки, телега была нагружена рулонами холстины, от которой сильно пахло рыбой, и мешками гвоздей. У Мангота был пропуск с подписью магистрата, разрешавший ему совершать поездки по воскресеньям. Оживленного движения на улицах не наблюдалось, и окраины Лондона быстро остались позади. Тут Хэлмор проснулся, потребовал остановить телегу и справил малую нужду под деревом. Затем он сел рядом с Манготом и взял у старика вожжи. При дневном свете Кэт разглядела его высокую тощую фигуру, крупные черты лица и копну седых кудрей. Из-за артрита пальцы Хэлмора опухли и искривились, – должно быть, болезнь вынудила его бросить перчаточное ремесло.

Кэт притворялась, будто дремлет, а двое мужчин тихо переговаривались. В голове у девушки так и роились мрачные мысли. Если только не случится чудо, она представления не имела, как ей вернуться к прежней жизни на Генриетта-стрит, не рискуя быть обнаруженной. Когда страсти улягутся, благоразумнее всего, пожалуй, будет сбежать за границу, в Голландию или даже в Америку – там нашли убежище многие друзья ее отца.

От размышлений Кэт отвлек вдруг ставший более громким голос Хэлмора:

– Ну как мне было отказаться? Епископ угощал элем всех без разбору.

Мангот стал что-то говорить, но Хэлмор перебил его:

– Кларендон – алчный плут, господин Мангот, вдобавок он заодно с папистами.

– Чтоб ему пусто было, – прибавил Мангот.

– Вот именно. Епископ, уж как может, трудится во славу Божью.

– Но вы подвергали себя опасности, – возразил Мангот. – Пусть даже ради благородного дела. Вас могли арестовать.

– Меня? Ну уж нет! Мы просто стояли перед Кларендон-хаус, орали и улюлюкали. Я, правда, швырнул пару камней, но к тому времени уже темнело, и никто не понял, что это я их кинул.

– А что за птица этот Епископ? – спросил Мангот. – Как его зовут по-настоящему?

– Не знаю. Но кошелек у него толстый, и на расходы он не скупится, а до остального мне дела нет. – Голос у Хэлмора был низкий, звучный, и его звуки разносились далеко, даже когда он говорил тихо. Такой голос хорошо иметь проповеднику. – Кроме эля, он раздал нам всем по полкроны. Знаете, что про него говорят? Ходят слухи, что он человек герцога Бекингема. Тогда понятно, откуда такие деньги и почему Епископ уверял, что ареста нам можно не бояться. Герцог нас из любой передряги вытащит. Уж кто-кто, а он всегда был другом народа и злейшим врагом папистов. А Кларендон получил по заслугам, чума его забори! И вот что я вам скажу: это еще цветочки, Епископ для него приготовил кое-что похлеще.

Мангот покосился на Хэлмора:

– И что же?

Тот пожал плечами:

– Наверняка не скажу. Знаю только, что ударить они собираются по самому больному месту.

Глава 8

Церковь Святого Олафа находилась на южной стороне Харт-стрит, неподалеку от раскинувшихся зданий Военно-морского ведомства. Воскресным утром я ждал возле церкви в наемном экипаже. День выдался погожий, и я откинул кожаную штормку, чтобы одновременно и греться в лучах солнца, и следить за дверьми.

Когда прихожане начали расходиться, я заметил несколько знакомых лиц – в основном чиновников из Военно-морского ведомства или из Тауэра. Я высадился из экипажа и стал высматривать леди Квинси. Народу на проповедь пришло много, и ее светлость появилась на крыльце одной из последних. Вуаль скрывала ее лицо, по одну сторону от леди Квинси шла горничная, по другую – мальчик-паж. Горничная была чопорной женщиной, старавшейся не смотреть в мою сторону.

Я поклонился ее светлости, та кивнула мне и села в карету лицом к лошадям. Паж вскарабкался следом за госпожой, и леди Квинси усадила его рядом. Несмотря на теплую погоду, мальчик был одет в тот же толстый плащ с высоким воротником, в котором я видел его в пятницу. Я думал, что горничная тоже сядет в экипаж, но она зашагала прочь в направлении Марк-лейн.

– Куда вас отвезти, мадам? – спросил я.

– Велите кучеру, чтобы ехал на Бишопсгейт-стрит, это за стеной. Там скажу, куда ехать дальше.

Отдав распоряжения извозчику, я занял свое место в экипаже. Сжавшись в комок, мальчик сидел подле леди Квинси. Я расположился напротив, однако машинально повернул голову чуть влево, чтобы скрыть повреждения на левой стороне моего лица. Леди Квинси подняла вуаль, и мне в первый раз представилась возможность рассмотреть ее как следует. Печаль, острая, будто физическая боль, поразила меня в самое сердце.

Передо мною сидела та, ради кого я сегодня утром облачился в свой лучший наряд и распорядился, чтобы мой парик завили заново. Оливия, леди Квинси – леди из общества, на несколько лет старше меня, с красивыми темными глазами, мелодичным голосом и пышной фигурой, которую не смогло скрыть даже строгое платье. Но леди Квинси во плоти сильно отличалась от образа, регулярно являвшегося мне в грезах на протяжении почти что года. «Эта дама отнюдь не дурна, – сказал я себе, – однако в Уайтхолле я каждый день встречал с десятком ей подобных, и многие были гораздо красивее».

Экипаж подпрыгивал на булыжной мостовой, и леди Квинси поморщилась.

– Опустите штормку, – приказала она.

Я подчинился, и в карете воцарился полумрак, хотя на улице было светло.

– Я исполнил вашу просьбу, мадам. Я передал ваше предупреждение известной нам обоим юной леди. Однако эта особа не горит желанием бежать от кузена.

– Она всегда отличалась упрямством.

Я хотел рассказать леди Квинси о помолвке Кэт, но промолчал. Это не мой секрет – так же как и то, что Эдвард ее изнасиловал.

– Где она? Надеюсь, моя племянница в безопасности?

– Не знаю, – ответил я.

– С ее стороны будет непростительной глупостью оставаться на прежнем месте. Кузен не оставит ее в покое. Эдвард лелеет обиды, будто любимых детей.

Минуту-другую мы молча ехали по шумным улицам и слушали, как стучат колеса, а извозчик осыпает ругательствами всех, кто преграждает нам путь.

– Куда мы направляемся? – поинтересовался я.

Леди Квинси подняла глаза:

– К господину Найту, королевскому хирургу.

Я пронзил ее взглядом.

– К господину Джону Найту? Главному хирургу?

– Вы его знаете?

– Да, я о нем слышал.

Его величество выделял Найта среди прочих медиков: свою преданность он доказал и во время гражданской войны, и после нее, когда королевский двор отправился в изгнание. В прошлом году Найт вел с господином Уильямсоном оживленную переписку, касающуюся состояния здоровья моряков во флоте. С тех пор мне и запомнилась эта фамилия. Но воскресное утро – странное время для посещения лекаря или хирурга, особенно такого выдающегося, как господин Найт. Вот и еще одно указание на то, что в деле чувствуется рука монарха.

– Где мы с ним встретимся? – спросил я. – Мне казалось, дом господина Найта на Расселл-стрит, а не рядом с Бишопсгейт.

– Он сейчас в гостях у родственников жены. Господин Найт согласился принять нас перед обедом. – Леди Квинси достала из кармана кошелек и протянула его мне. – После приема доктор потребует вознаграждение. Будьте добры, рассчитайтесь с ним за меня. Извозчику тоже нужно заплатить. Скажите ему, чтобы ждал нас, обратно тоже поедет с ним. И кстати, вовсе незачем говорить, кто я такая, особенно в присутствии слуг. Можете представить меня госпожой Грин, вашей кухней. На прием я записалась от вашего имени и буду весьма признательна, если вы создадите у господина Найта впечатление, что Стивен ваш слуга.

– Мой? – Я удивленно поглядел на леди Квинси. – Мадам, мне будет проще вам помочь, если вы объясните, в чем дело.

Секунду она молчала, потом велела:

– Отдерните шторы.

Я повиновался. В карете стало светлее.

– Стивен, покажи джентльмену, что с тобой.

Мальчик подался вперед и распахнул плащ. В первый раз я разглядел его как следует. Он был пышно разодет, как и большинство африканских мальчиков, служивших у богатых дам, ведь они были для своих хозяек не только пажами, но и кем-то вроде домашнего питомца или игрушки. Мальчик был весьма хорош собой: симметричные черты лица, большие глаза, обрамленные длинными ресницами. Но мое внимание сразу привлекла шея. Если даму сопровождал арапчонок, мода требовала, чтобы его шею украшал серебряный ошейник, служивший и напоминанием, что ребенка привезли в Англию в качестве раба, и признаком благосостояния владельца. Но этот мальчик был без ошейника. Его шея опухла и расплылась, утратив четкие очертания. Паж страдал от королевской хвори.

– Как видите, у Стивена золотуха, – продолжила леди Квинси. – Не пугайтесь, насколько мне известно, мальчик не заразен. Я нарочно взяла его с собой в Уайтхолл посмотреть, как король исцеляет недужных наложением рук, чтобы Стивен знал: он такой не один. – Взглянув на пажа, леди Квинси прибавила: – Господь даровал королю способность исцелять, она является свидетельством, что его власть над нами имеет божественную природу.

– Как великодушно, – заметил я.

Мне тут же стало совестно, что я так стыдился собственных ожогов, полученных несколько месяцев назад. Если сравнивать мои шрамы с чудовищно раздувшейся шеей этого ребенка, мне и вовсе не на что жаловаться.

Однако в голове у меня шевельнулась циничная мысль о том, что золотуха Стивена послужила удобным поводом для встречи со мной и дала леди Квинси возможность предостеречь Кэт через меня.

– Я хотела, чтобы Стивен своими глазами увидел церемонию исцеления, – продолжила она. – Надо же было его успокоить. Как и все дикари, он суеверен. Мальчик решил, что это колдовской обряд.

Леди Квинси говорила о своем паже так, будто его в карете не было.

– Надеетесь, что господин Найт вылечит Стивена?

Леди Квинси покачала головой:

– Нет, это по силам лишь королю. Но господин Найт – главный хирург, а значит, он достаточно компетентен, чтобы выдавать свидетельства о болезни, а также билеты для страждущих, чтобы те смогли принять участие в публичной церемонии исцеления. Кроме того, я хочу больше узнать об этой болезни. – Вдруг леди Квинси нервно сглотнула и судорожно сцепила руки на коленях. – О ее симптомах и причинах.

– Но, ваша светлость, зачем вам нужно мое присутствие? Почему вы записались к врачу от моего имени? К чему такая секретность?

– Потому что я не желаю, чтобы мой интерес к золотухе стал достоянием гласности – во всяком случае, пока. Вот почему для нашей первой встречи в Банкетном доме я надела вуаль и представила дело так, будто к врачу записались вы. – Леди Квинси выдержала паузу, потом облизнула губы. – У меня на то свои причины, и, возможно, когда-нибудь я открою вам правду. Ну а пока я уверена, что могу рассчитывать на вашу деликатность.

Дом оказался большим и старым, со множеством комнат и коридоров, которые три-четыре поколения владельцев пристраивали безо всякой системы. Обстановка была весьма уютной, однако немножко старомодной и потрепанной. На первом этаже располагалась лавка, которая в воскресенье не работала. Кузен господина Найта возил меха из России. Дела его явно процветали, однако этот человек не считал нужным демонстрировать свое благосостояние всем и каждому.

Нас провели в малую гостиную на втором этаже. Слуга предложил нам напитки, Но мы ответили отказом. Господин Найт не заставил себя долго ждать. От него исходил легкий запах вина и готовящихся кушаний. Хирург долгое время жил при дворе, что сразу было заметно по его величавой манере держать себя. Хорошее воспитание не позволяло доктору выказывать нетерпение, однако я догадался, что обед вот-вот будет готов и господин Найт не желает тратить на нас слишком много времени.

Когда мы представились, я велел Стивену подойти к доктору и показать шею.

– Стало быть, это тот самый мальчик, – произнес господин Найт. – Любопытно. В первый раз вижу, чтобы от подобного недуга страдал арап. Непременно опишу этот случай.

Он жестом велел Стивену подойти ближе и стал его осматривать. Длинные ловкие пальцы хирурга ощупывали шею мальчика с удивительной осторожностью. Не поднимая вуаль, леди Квинси сидела на самом краю кресла и внимательно наблюдала за осмотром.

– У него королевский порок? – спросила она.

– Да, госпожа. Вне всяких сомнений. Болезнь прогрессирует. На данный момент отек характерного розового цвета наблюдается только на шее. Запрокинь голову, мальчик. Да, так я и думал. Твердые отеки активно разрастаются под подбородком и вокруг горла... – Найт выпрямился и повернулся к нам. – Трудностей с получением свидетельства о болезни у вас не возникнет. И, учитывая обстоятельства... – Доктор чуть поклонился, вероятно выражая таким образом почтение к королю, проявившему заинтересованность в этом деле. – Кроме того, я выпишу для вас особый пропуск на следующую публичную церемонию исцеления. А иначе, чтобы получить билет, мальчику пришлось бы явиться со свидетельством ко мне на Расселл-стрит. Бывает, что пациенты вынуждены ждать месяцами, ведь страдальцев всегда так много!

– Благодарю, сэ, – ответил я.

– Расскажите, отчего возникает эта болезнь? – спросила госпожа Квинси. – Какова ее природа?

Господин Найт сел, откинулся на спинку кресла и сложил пальцы домиком.

– Очень интересные вопросы. Как заметил Гиппократ, у того, кому известна природа недуга, не возникнет затруднений при выборе лучшего метода лечения. Но вынужден с прискорбием сообщить, что причины возникновения золотухи нами до конца не изучены. Чаще всего симптомом является отек, не причиняющий пациенту боли, – или, как в данном случае, несколько отеков. – Доктор Найт пощупал шею Стивена, и мальчик отпрянул. – Да, струма податливая. Та, что слева, под челюстью, в течение месяца, скорее всего, переродится в незаживающую язву.

– А в чем причина, сэр? – не успокаивалась леди Квинси.

Я снова заметил, как ее пальцы на коленях пришли в движение. Я задался вопросом, чем вызвано такое сильное волнение.

– Что ж, позвольте перечислить некоторые из них, а впрочем, речь идет не столько о причинах, сколько об условиях, могущих привести к развитию болезни. Чаще всего золотуха встречается у детей, чьи родители также обезображены этим недугом. Как жаль, что отца и мать нам чаще всего осмотреть не удастся! Бывает, что болезнь передается младенцу от кормилицы, если та страдала золотухой. Кроме того, ей подвержены люди, долгое время жившие во влажном климате. – Доктор снова ткнул Стивена пальцем в шею. – Если не ошибаюсь, в Африке высокая влажность?

Мальчик лишь молча глядел на господина Найта широко распахнутыми испуганными глазами.

Я предположил, что слово «влажность» Стивену не знакомо. Я пояснил:

– Джентльмен говорит про сырость, Стивен. Там, где ты жил до того, как тебя привезли в Англию, было много воды?

Голова мальчика дернулась, будто у пугливой лошади, столкнувшейся с незнакомым явлением. Господин Найт воспринял этот жест как знак согласия.

– Вот, пожалуйста, – объявил доктор. – Я ничуть не удивлен. Другая причина, несомненно, связана с питанием. Развитию золотухи способствуют большие количества вязкой или грубой пищи, а также мучного и незрелых фруктов. Малоактивный образ жизни тоже может привести к болезни. Кроме того, ее связывают с холодным или флегматичным темпераментом. – Господин Найт нахмурился. – Мальчик очень похож на флегматика. Кстати, он склонен к застою желчи?

Я пожал плечами:

– Понятия не имею.

Торопясь сгладить неловкость, Найт продолжил лекцию:

– Привести к золотухе могут и наружные повреждения, к примеру вывихи или растяжения, в отдельных случаях ее причиной становятся даже катары и лихорадки. Кроме того, вредно пить стоячую воду. А некоторые врачи полагают, что мать, часто видевшая золотушного человека, рискует передать болезнь своему ребенку.

Леди Квинси молчала. Паузу нарушил я:

– Если я вас правильно понял, сэр, все это причины, имеющие отношение к самому человеку. А существуют ли внешние обстоятельства, при которых болезнь поражает того, кто к ней предрасположен?

– Среди нас, медиков, по этому поводу много споров, сэр. Большинство из нас полагает, что фактором, напрямую вызывающим золотуху, является закупорка мелких сосудов вязкими, тягучими телесными соками. Однако есть и те, кто связывает начало болезни с уровнем кислотности крови, из-за которой та свертывается, а потом застывает.

– И каков же лучший метод лечения, сэр? – спросила леди Квинси.

Господин Найт снисходительно улыбнулся:

– Не существует ни одного надежного и действенного способа, кроме наложения рук его величества. Божьей милостью он исцелил тысячи страждущих. По моим подсчетам, руки короля коснулись не меньше тридцати тысяч его подданных. Ничего удивительного, что наши люди так обожают своего правителя и чтят Господа. Нам ниспослано благословение свыше.

– Действительно, – сухо произнесла леди Квинси. – Благодарю за консультацию. Полагаю, вам с господином Марвудом нужно обсудить деловые вопросы. А я пока подожду здесь.

Мы с господином Найтом оставили ее наедине со Стивеном. По моей просьбе доктор велел слуге пойти и сказать нашему кучеру, чтобы тот подал карету к парадной двери. Господин Найт провел меня в маленькое помещение с окном, выходящим на улицу. Простотой обстановки оно больше напоминало контору, чем комнату в жилом доме. В углу стоял глобус. На столе лежала развернутая карта Русского царства, ее края были придавлены камешками.

Пока хирург выписывал для Стивена свидетельство о болезни и пропуск на следующую церемонию исцеления, я от нечего делать глядел в окно. В дальнем конце улицы стоял высокий, очень худой человек в длинном коричневом камзоле. Одет просто – должно быть, мелкий торговец. Но мое внимание привлекла шпага у него на поясе. Это оружие носят либо знатные люди, либо головорезы из подворотен Эльзаса, однако незнакомец мало походил как на разбойника, так и на дворянина.

Мужчина вскинул голову и посмотрел на окна дома. Может, он и заметил меня, хотя сквозь стеклянные ромбы он вряд ли разглядел что-то, кроме искаженного силуэта. Затем этот человек прогулочным шагом направился прочь. Тут доктор Найт обратился ко мне, и я на некоторое время забыл про незнакомца.

– Вот, пожалуйста, сэра. Ближайшая церемония, скорее всего, пройдет в Банкетном доме – конечно, при условии, что его величество не переедет в Виндзор. Если йомен у двери не захочет вас пропустить, вам стоит лишь назвать мое имя.

Я поблагодарил доктора Найта и расплатился с ним. С большими церемониями он проводил нас до двери и помог леди Квинси сесть в экипаж, где ее уже ждала горничная. Мы со Стивеном тоже заняли свои места.

Почти в полной темноте, с задернутой кожаной шторкой, мы, подпрыгивая на мостовой, катили в сторону ворот Бишопстейт. Благоухание духов леди Квинси быстро заполнило тесное пространство.

– Благодарю за помощь, сэра, – произнесла она. – Уверена, вы никому не расскажете о нашем визите к доктору.

– Даю слово, мадам.

Интересно, пригласит ли она меня в свой дом в Колыбельном переулке? Может быть, леди Квинси даже предложит мне выпить?

– Не стану больше отнимать у вас время. Высажу вас у стены.

– Разумеется, – ответил я, мысленно сказав себе: «Чем меньше я общаюсь с этой дамой, тем лучше». – Весьма любезно с вашей стороны.

Глава 9

В понедельник утром дождь полил снова, но на этот раз с удвоенной силой. Я стоял у окна Тихой галереи и глядел вниз, в Собственный сад. Живые изгороди и статуи выглядели замызганными, а на посыпанных гравием дорожках появились глубокие лужи. Я заметил всего двух-трех прохожих, да и те спешили. Сад они использовали лишь для того, чтобы срезать путь.

Галерея располагалась на втором этаже и тянулась от сада до реки. Впервые побывав в Уайтхолле, я впал в отчаяние, боясь, что мне суждено вечно плутать по этому беспорядочному запутанному лабиринту из всевозможных строений. Однако со временем я понял, что планировка не лишена определенной логики. В центре находятся королевские покои, принадлежащие королю и королеве, – в одни допускают посетителей, другие предназначены для личного пользования монарших особ. От них под прямым углом друг к другу тянутся два длинных ряда комнат, а между ними разбит Собственный сад. Если идти по старому саду в западном направлении, выйдешь к Банкетному дому и воротам Холбейн. Здесь много служебных помещений и правительственных кабинетов, в том числе зал заседаний совета и кабинеты лорда Арлингтона. Каменная галерея, расположенная под Тихой, идет на юг, в сторону Вестминстера. Вдоль нее немало апартаментов придворных фаворитов. В дальнем конце находятся покои герцога Йоркского.

В это дождливое утро в галерее толпились придворные, чиновники и посетители. Джентльмены прохаживались взад-вперед, шепотом переговариваясь. То и дело раздавались приглушенные смешки. Галерея была излюбленным местом для прогулок, сюда ходили, чтобы и на других посмотреть, и себя показать. Особенно многолюдно здесь становилось в плохую погоду. Еще одним преимуществом галереи была возможность напрямую попасть во многие личные апартаменты.

Сегодня в галерее царила атмосфера сдерживаемого возбуждения. Ходили слухи, что герцог Бекингам, один из злейших врагов лорда Кларендона, вчера был восстановлен во всех своих многочисленных должностях, а значит, ему удалось вернуть расположение короля. Простые люди видели в Бекингаме своего героя, и он пользовался широкой поддержкой парламента. Воспитанный в королевской семье, Бекингам с детских лет был другом его величества, к тому же он владел баснословным состоянием. Однако до недавнего времени Бекингема держали в Тауэре: его враги утверждали, будто он заплатил астрологу, чтобы тот составил гороскоп короля, а это считается разновидностью государственной измены: ведь предсказание будущего монарха неизбежно подразумевает вопрос о его возможной смерти.

Я снова ждал господина Чиффинча. Сегодня утром он прислал записку в Скотленд-Ярд, велел мне явиться к нему по делу короны. Господин Уильямсон нехотя отпустил меня, ворча себе под нос, что «Газетт» сама себя не издаст. Во время ожидания я невольно вспоминал о Кэт Ловетт и леди Квинси. Мысли были не из приятных: своей унылостью они могли бы сравниться с погодой за окном.

Вдруг у входа в личные покои короля возникло оживление. Двери распахнулись. Стражники выпрямились, толпа притихла. Герцог Йоркский, брат короля, вышел в галерею в сопровождении двух своих советников.

Не обращая внимания на поклоны придворных, склонявшихся перед ним, будто колосья на ветру, герцог прошествовал к собственным покоям. Это был видный мужчина, однако сегодня его раскрасневшееся лицо искажала гримаса гнева. Стоило герцогу покинуть галерею, и джентльмены снова принялись шептаться, на этот раз с большим азартом.

Я отошел от окна и стал разглядывать висевший на стене женский портрет. Дама была одета в украшенное богатой вышивкой шелковое черное платье с пышными рукавами, на шее у нее висела золотая цепочка. Незнакомка глядела мимо меня, поверх моего правого плеча, и

только ей одной было известно, на что она смотрит. Вышивка на платье напоминала переплетающихся змей. За спиной у дамы в ее комнату заглядывала группа женщин.

Прошло минут десять-пятнадцать, прежде чем двери королевских покоев открылись снова. На этот раз из них вышел Чиффинч, порозовевший, будто досыта накормленный младенец. По пути он кивал и улыбался всем, с кем считал нужным поддерживать отношения. Однако Чиффинч ни разу не остановился. Он сразу направился ко мне.

– Любопытно, что вы предпочли именно ее, – произнес Чиффинч, глядя мимо меня на картину.

– Не понимаю, о чем вы, сэр.

– О даме, которую вы разглядывали. Эта вдова в черном платье чем-то похожа на леди Квинси, не находите?

Я пожал плечами:

– Возможно, небольшое сходство есть, сэр. Но, по-моему, ее светлость не такая бледная.

Упоминание о леди Квинси смутило меня. Чиффинч обладал выдающейся способностью подмечать человеческие слабости. Неужели он почувствовал мой интерес к этой особе?

– И губы тоньше, чем у ее светлости, – прибавил Чиффинч, поджав собственные губы.

– Кто это?

– Не имею представления. Видимо, какая-нибудь давно почившая итальянская принцесса. Голландцы преподнесли королю эту картину в честь Реставрации. – Чиффинч отвернулся от портрета. – Следуйте за мной. – Мы прошли по Тихой галерее и оказались в камерке рядом с королевской лабораторией, окна которой выходили в сад.

– Закройте дверь, – приказал Чиффинч. – И сядьте.

Он указал на стул возле маленького столика под окном. Сам Чиффинч расположился напротив меня и подался вперед, отчего мы оказались лицом к лицу.

– У меня для вас поручение, Марвуд. Помните Эдварда Олдерли? – (Я так удивился, что ненадолго утратил дар речи.) – Олдерли, – с раздражением повторил Чиффинч. – Только не говорите, что вы про него уже забыли! Вспомните ту историю со вторым супругом леди Квинси, в которой вы участвовали после Пожара. Эдвард Олдерли – сын этого человека от первой жены. Он раньше частенько бывал при дворе.

– Да, сэр. Конечно же я его помню.

– Он мертв. – Чиффинч помолчал, теребя бородавку на подбородке. – Вряд ли кто-то будет по нему сильно убиваться.

Мое потрясение быстро сменилось облегчением. Какой счастливый поворот в судьбе Кэт!

– От чего он умер?

– Утонул. Но для нас важнее даже не сам факт его гибели, а место, где нашли тело. – Чиффинч оставил в покое бородавку, чтобы постучать указательным пальцем по столу. – В колодце лорда Кларендона.

Я начал понимать, отчего герцог Йоркский пришел в такую ярость. Лорд Кларендон – тесть герцога.

– Прямо в доме у его светлости?

– В саду. Впрочем, это одно и то же. Но учтите, дело конфиденциальное. Хоть словом о нем обмолвитесь – пожалеете. Вы меня поняли?

– Да, сэр, но... Вы уверены, что мне по силам такое деликатное поручение?

– Уж поверьте, будь моя воля, этим вопросом занимались бы не вы. Но таков приказ короля. Полагаю, его величество остановил выбор на вас, потому что вы немного знакомы с этим человеком и его семейством.

Выходит, нечего и надеяться переложить это поручение на кого-то другого.

– Что прикажете? – спросил я.

– Отправляйтесь в Кларендон-хаус и подробно разузнайте, при каких обстоятельствах погиб Олдерли. Тело сейчас хранится под замком. Лорду Кларендону, разумеется, известно о случившемся, и его секретарю, господину Милкоту, тоже. Сегодня утром тело Олдерли обнаружил слуга, но с него взяли слово хранить молчание. Мы пока не хотим, чтобы новость стала достоянием гласности. Сначала нужно разобраться, что именно произошло. Это очень важно.

– Гибель Олдерли случайна, сэр?

Чиффинч всплеснул руками:

– Откуда, во имя всего святого, я могу знать? Это предстоит выяснить вам. Доложите мне о результатах как можно скорее.

– Господин Уильямсон...

– На него мне глубоко плевать. Но я прослежу, чтобы ему сообщили, что вы исполняете поручение короля. Едва ли он будет возражать. – Чиффинч с благочестивым видом возвел очи к небу. – Король – первый после Господа, и наш долг – служить ему. Надеюсь, что выражаю общее мнение.

Я машинально кивнул. Чем больше я размышлял об этой ситуации, тем больше она меня настораживала. Я достаточно долго прослужил в Уайтхолле, чтобы понять: когда сильные мира сего вступают в противоборство, страдают мелкие сошки.

Чиффинч достал из кармана бумагу.

– Вот письмо с подписью короля, удостоверяющее ваши полномочия. – Чиффинч держал документ в руке, но не спешил отдавать его мне. – Помните. Лорд Кларендон больше не лорд-канцлер, но у него по-прежнему много друзей, желающих, чтобы он вернул расположение короля. И один из них – герцог Йоркский. – Чиффинч выдержал паузу, дав мне время вспомнить о том, что герцог Йоркский – предполагаемый наследник короля, а его дочери – внучки Кларендона – следующие претендентки на престол. – Поэтому умоляю вас, Марвуд, будьте осторожны. Если предстанете перед его светлостью собственной персоной, постарайтесь не вызвать его гнев. В последнее время ему приходится нелегко. Учитывайте, что не прошло и месяца с того дня, как он похоронил супругу.

С этим предупреждением Чиффинч отослал меня прочь. Исполненный дурных предчувствий, я прошел через покои, доступные для посетителей, пересек караульное помещение и вышел на Пибл-корт. Дождь за это время еще усилился.

Мне было приказано отправиться в Кларендон-хаус незамедлительно, но по дороге я должен был зайти в редакцию «Газетт» в Скотленд-Ярде, чтобы забрать свой плащ и письменные принадлежности. Там у меня возник соблазн написать коротенькую записку для Кэт и отправить ее на имя господина Хэксби, чтобы тайком предупредить девушку о гибели кузена. Но я побоялся нарушить запрет господина Чиффинча, не располагая полными сведениями о случившемся.

Кроме того...

Эта мысль настигла меня посреди двора, и я застыл, словно громом пораженный. Дождь капал с полей моей шляпы.

Как же я сразу не сообразил? Меньше двух дней назад я сообщил Кэтрин Ловетт, что кузен напал на ее след. В ответ девушка рассказала мне, что Эдвард Олдерли взял ее силой, когда она жила в доме у дяди, и сообщила о своем намерении убить его за это.

Услышь я нечто подобное от другого человека, решил бы, что это всего лишь красочная фигура речи, способ выразить ненависть. Но Кэт – случай особый. Эта девушка привыкла и говорить, и действовать напрямик, и в силе духа ей не откажешь. Я своими глазами видел, на что она способна. И вот теперь Эдвард Олдерли мертв.

Как ни ужасно это звучало, я не мог исключить, что Кэт каким-то образом расправилась с кузеном. И, что еще страшнее, к расправе над Эдвардом Олдерли приложил руку я, предупредив убийцу, что кузен нашел ее.

Глава 10

Эта улица носила официальное название Португал-стрит в честь нашей королевы Екатерины Браганской, но все упорно продолжали называть ее Пикадилли. Дорогу к западу от Гайд-парка, ведущую к Редингу, проложили давно. Много лет назад частью здешних земель владел человек, разбогатевший на изготовлении широких старинных кружевных воротников с зубчатыми краями, называемых пикадилли, и постепенно так же начали называть и саму дорогу. В последнее время поместья богачей вырастали среди полей, будто гигантские грибы. Самое обширное из них – Кларендон-хаус.

Передо мной предстало огромное строение из грубого камня, способного выдерживать любые удары стихии. Его окружали высокие стены и ограды. Кларендон-хаус выходил на Пикадилли, спускаясь с холма на юг, к Сент-Джеймскому дворцу, казавшемуся маленьким и даже довольно обшарпанным на фоне великолепного нового соседа. Я слышал, как господин Уильямсон говорил, что король недоволен: дом подданного не должен затмевать дворцы его величества.

Большинство лондонцев разделяли нелюбовь короля к этому поместью. Пока лорд Кларендон наслаждался роскошью в своей новой резиденции, тысячи из них лишились домов во время Пожара. Люди прозвали поместье Дюнкерк-хаус: говорили, что бывший канцлер нашел способ присвоить львиную долю государственной прибыли от продажи этого города, в свое время завоеванного Кромвелем, французскому королю.

Была середина дня, однако главные ворота были заперты. Столбы ворот местами почернели. Во время беспорядков в июне толпа разводила здесь костры и сожгла деревья, росшие вдоль улицы снаружи. Будь у них воля, они спалили бы и сам дом.

Толпа винила лорда Кларендона во всех своих бедах, прошлых и нынешних, и даже в том, что королева так и не смогла подарить королю наследника. Смутьяны полагали, что Кларендон нарочно отыскал для монарха бесплодную жену, чтобы его собственные внуки, дети герцога Йоркского, в один прекрасный день взошли на престол. На Кларендона возлагали ответственность за сокрушительное поражение, нанесенное нам голландским флотом в битве при Медуэе. Его обвиняли во всем. Если верить общественному мнению, для лорда Кларендона не существовало ни слишком крупных хищений, ни слишком мелких. Поговаривали даже, что он присвоил камень, предназначенный для восстановления собора Святого Павла после Пожара, и выстроил из него свое поместье.

Дом был погружен в траур – разумеется, не из-за Олдерли, а из-за леди Кларендон. На воротах висела мемориальная доска с изображением ее герба. Двое слуг, оба вооруженные, дежурили за воротами под временным навесом. Я предъявил рекомендательное письмо и попросил отвести меня к господину Милкоту. Упоминания его имени оказалось достаточно, чтобы меня впустили во двор. Один из слуг провел меня к боковой двери в западной части дома, а потом мы с ним вошли в приемную, задрапированную черной тканью. Помещение было так велико, что там целиком поместился бы мой дом в Инфермари-клоуз, от кухни до чердака. Меня оставили ждать под недоверчивым взглядом лакея, а другой слуга отправился на поиски господина Милкота.

Сначала я услышал быстрые шаги, а потом в дверях, ведущих к лестнице, показался секретарь лорда Кларендона.

– Добрый день, господин Марвуд. К вашим услугам, сэр.

Мы обменялись поклонами. Это был высокий джентльмен лет тридцати, неброско одетый и в светлом парике, который, судя по цвету лица господина Милкота, оттенком ненамного отличался от его собственных волос. Секретарь тоже был в трауре.

– Надеюсь, слуги не заставили вас долго ждать. К сожалению, сейчас мы не имеем возможности принимать гостей так, как желал бы его светлость. – Уголки рта господина Милкота опустились вниз. – Вы же понимаете, в свете недавних событий...

Я кивнул. Мне сразу пришлось по душе открытость Милкота, причем это качество сочеталось у него с деликатностью и тонким чутьем, что уместно, а что нет.

Я тихо произнес:

– Я здесь по поручению короля.

Милкот взглянул на дежуривших в приемной слуг, взял меня под руку и отвел в сторону.

– Не считайте за грубость, но лучше нам побеседовать на улице. – Он поднял взгляд на серое небо. – Ну хоть одна радость – дождь наконец унялся.

Мы зашагали по выложенной каменными плитами дорожке. Перед нами вздымалось отличавшееся безупречной симметрией и аскетичностью боковое крыло здания, загораживавшее почти весь свет. Мы остановились у калитки из кованого железа, Милкот отпер ее, и мы прошли в разбитый за домом сад.

– Осмелюсь предположить, что вы пришли в связи с нашей... находкой? – уточнил Милкот.

– Да, сэръ.

– У его светлости много дел, – продолжил Милкот. Если он заметил шрамы от ожогов на моем лице и шее, то, будучи хорошо воспитанным человеком, не подал виду. – Вероятно, сегодня лорд Кларендон не сможет с вами встретиться.

– Ему известно, что я здесь?

– Да. Герцог предупредил, что к нам придут.

Мы остановились на углу дома. Отсюда весь сад был виден как на ладони. Размахом он ничуть не уступал дому – акров пять-шесть, не меньше, и со всех сторон его окружали высокие стены. Дорожки уже проложили, а вдоль них высадили множество кустарников. Однако сразу бросалось в глаза, что работы по благоустройству еще не закончены: некоторые участки были затянуты линиями, неоднократно залатанной парусиной, дорожки покрыты жидкой грязью и изрыты колдобинами. Несмотря на плохую погоду, целые отряды садовников трудились вовсю. У дальней стены стояли два недостроенных павильона. У одного отсутствовала крыша. Зазор между ними загорделиво массивным деревянным забором.

– Когда завершатся работы, этот сад будет прекраснейшим в Лондоне, – объявил Милкот. – Проект мистера Ивлина. Жаль, что этот... неприятный инцидент произошел именно здесь.

– Где именно?

Милкот указал на павильон слева – тот, что без крыши.

– Желаете сразу пойти туда?

Милкот направился к дорожке, идущей параллельно боковой стене. На полпути он остановился и велел садовнику держаться подальше от этой части сада и передать то же самое другим слугам. Я оглянулся на фасад дома. На юго-западном углу в окне второго этажа я разглядел размытое белое пятно. Кто-то наблюдал за нами. Из-за стекла лицо искажалось и выглядело призрачным. Мы пошли дальше.

– Строителей я отослал, – произнес Милкот.

– Они прибыли после того, как обнаружили тело?

– Да. Они могли бы поработать в другом павильоне, но я рассудил: чем меньше посторонних людей вокруг, тем проще нам будет разобраться с этим делом.

– И много народу о нем знает?

– Кроме меня, только слуга, нашедший тело, по имени Мэтью Горс, и, разумеется, сам лорд Кларендон.

– Но остальным домочадцам наверняка любопытно, что стряслось.

– Я объявил, что на крыше работать опасно и пока не привезут новую черепицу, туда лучше не ходить. – Милкот нахмурился. – А еще я отправил записку, чтобы строителей на сегодня освободили от работы. Но долго держать всех в неведении не получится.

Павильон состоял из двух этажей и подвала, сверху по краям тянулась балюстрада. Хотя стена, обращенная в сторону сада, была из того же камня, что и особняк, боковую стену сложили из крошащихся красно-коричневых кирпичей, смотревшихся здесь весьма неуместно. У земли я заметил маленькое двойное окно в каменной раме, зарешеченное стальными прутьями.

Поднявшись по низкому крыльцу, Милкот отпер двойные двери. Я обернулся, высматривая лицо в окне.

– Нас кто-нибудь видит? – спросил Милкот.

– Кажется, из дома за нами кто-то наблюдал.

На секунду во взгляде Милкота мелькнула тревога, но он тут же взял себя в руки.

– Вы заметили человека? В каком окне?

– В крайнем правом, на втором этаже.

– Там личные покои его светлости. – Милкот улыбнулся и добродушно прибавил: – Лорд Кларендон, может, и стар, но он следит за всем, что происходит вокруг.

Милкот распахнул дверную створку ровно настолько, чтобы мы могли пройти внутрь. Я очутился в комнате с кирпичными стенами, на которых до сих пор уцелели островки старой штукатурки. Свет проникал внутрь через два высоких окна, одно смотрело на дом, а второе, в соседней стене, – на другой павильон в противоположном углу сада. На каменных плитах пола время оставило свой след в виде неровностей и пятен. В углу высилась гора досок и только что обтесанного камня. В воздухе ощущался пронизывающий холод.

– Тело внизу, на кухне, – пояснил Милкот, закрывая за нами дверь и задвигая засов. – Прошу за мной.

В стене слева обнаружилась дверь, ведущая в переднюю. Я обратил внимание на лестницу с истертыми ступенями и посмотрел вверх.

– Куда ведет эта лестница?

– В хозяйские покои. А оттуда – на смотровую площадку.

Следом за Милкотом я спустился в подвал. Он оказался того же размера, что и верхнее помещение, однако гораздо сумрачнее: два зарешеченных оконца были совсем малы и располагались под самым потолком. На кухне стоял большой очаг, а рядом с ним – две печи. Мебель отсутствовала, если не считать деревянной конструкции в углу, рядом с которой лежала гора шестов, предназначенных для возведения лесов. Непонятное сооружение почти упиралось в цилиндрический свод.

– Тело здесь, – произнес Милкот, указывая на пол перед пустым очагом.

На кирпичном островке лежала фигура, которую издали можно было принять за огромную кабанью гончую, греющуюся у огня. Тело накрыли лошадиной попоной.

Я шагнул к нему, но тут Милкот взял меня за локоть:

– Осторожно. Рядом колодец.

Впереди, примерно в футе от деревянного сооружения, я разглядел в полу деревянный диск около пяти-шести футов в диаметре. Крышка колодца была встроена в пол так, что я не сразу ее заметил.

– Я бы не советовал на нее вставать, – заметил Милкот. – На всякий случай.

Обойдя колодец, я присел на корточки возле трупа и откинул попоны. Меня замутило. За прошедшие несколько лет мертвые тела мне приходилось видеть даже слишком часто. Во время чумы их сваливали прямо на улицах. Но я так и не привык к этому зрелищу.

Не оставалось никаких сомнений – передо мной Эдвард Олдерли. Его единственный глаз глядел на меня. Лицо приобрело серый оттенок. Со времени нашей последней встречи его

черты стали грубее. В открытом рту виднелись почерневшие зубы. Олдерли лишился парика, его голую макушку покрывала щетина. На коже я заметил капельки воды.

Я потянул попону к себе, открывая тело до пояса, затем до колен. На полу рядом с телом лежала вынутая из ножен шпага. Острие сверкнуло в свете фонаря. Почерневшие от пребывания в воде кожаные ножны, свисавшие с пояса на двух тонких цепочках, запутались в ногах.

Как это часто бывает, смерть придала ему нелепый вид. Нахмурившись, я дотронулся до воротника Олдерли, потом до камзола.

– Он весь мокрый.

– Разве вам не сказали? – удивился Милкот. – Бедолага упал в колодец и утонул.

Я покосился на крышку.

– Как же он умудрился? Колодец закрыт.

– Утром он был открыт. Кто-то прислонил крышку к стене.

– Когда ее убрали?

– Работы закончились в субботу вечером. Видимо, крышку подняли после их окончания и до прихода слуги, который отпер дверь павильона. Это было рано утром.

– Возможно, этот человек в субботу зашел в павильон по какому-то делу, а строители, уходя, случайно его заперли, – предположил я.

– Может быть, но вряд ли, – пожал плечами Милкот. – Землемер, под руководством которого они трудятся, очень здравомыслящий, добросовестный человек. В субботу он был здесь, я видел его своими глазами. – Милкот запнулся. – Между нами говоря, пока не известно, возобновят работы или нет. Господин Хэксби весьма обеспокоен, да и немудрено: он ведь уже нанял строителей.

Я вздрогнул.

– Вы сказали Хэксби?

– Да. Это наш главный архитектор. Опытный человек с блестящими рекомендациями. – Милкот с любопытством взглянул на меня, и я понял, что не смог скрыть потрясения. – Я, конечно же, побеседую с ним, но даже не сомневаюсь, что перед уходом господин Хэксби убедился, что колодец закрыт и в павильоне нет ничего, представляющего опасность. У него есть свой ключ.

– Да, – произнес я. – Или я поговорю с ним сам. – Я попытался скрыть смятение, направив разговор в другое русло. – Кто узнал в утопленнике Олдерли?

– Я. С этим джентльменом меня связывало шапочное знакомство, к тому же он несколько раз посещал Кларендон-хаус. – Милкот помедлил. – Но я даже не подозревал, что он здесь. Ума не приложу, как Эдвард Олдерли оказался в павильоне.

Я собирался поподробнее расспросить о знакомстве Милкота с Олдерли, как вдруг у нас над головами раздался громкий стук. Мы принялись испуганно оглядываться, будто застигнутые на месте преступления. Звук отражался от стен, и гулкое эхо заполнило пустое пространство кухни.

Милкот вполголоса выругался. Он кинулся вверх по лестнице, перепрыгивая через две ступени. Я поспешил за ним. Милкот отпер дверь. Через щелку я заметил слугу.

– Господин Милкот, его светлость ждет вас у себя в покоях. А с ним – еще один джентльмен.

Старик сидел у окна, кутаясь в стеганный халат. Перебинтованные ноги покоились на мягкой скамеечке. По пути наверх Милкот объяснил, что Кларендон страдает от подагры, и мучения его так велики, что ступени лестниц в особняке сделали почти плоскими, чтобы хозяину было как можно проще по ним подниматься.

В камине всюду пылал огонь, и в комнате царила удушающая жара. После великолепия парадной лестницы и внешних покоев я не ожидал, что кабинет его светлости окажется столь

мал. Однако комната так и пестрела яркими красками. Чего здесь только не было: картины, скульптуры, ковры, фарфор, всевозможные диковинки и книги, очень много книг повсюду.

Королевский ордер лежал у Кларендона на коленях. Он настоял на том, чтобы изучить документ самолично, и даже поднес его к лившемуся из окна свету, будто сама бумага, на которой он написан, хранила какие-то секреты.

– Марвуд, – произнес лорд Кларендон. На вид он казался ровесником века, однако его голос звучал четко и твердо. – Кажется, в Лондоне работал печатник с такой фамилией? Насколько мне известно, ныне покойный.

– Да, милорд. Это мой отец.

О памяти Кларендона ходили легенды – так же, как и о его внимании к деталям. Его маленькие глазки окинули меня изучающим взглядом, но, к моему облегчению, развивать тему он не стал.

– Вы ведь служите в Уайтхолле?

– Я секретарь господина Уильямсона, работаю в «Газетт».

– Вы из «Газетт»? – Взгляд лорда Кларендона стал подозрительным. – Стало быть, вездесущий лорд Арлингтон и в это дело влез?

– Нет, милорд.

Рядом со мной послышался скрип: Милкот переступал с ноги на ногу.

– К вам обратился король? Или герцог?

– Нет, ордер мне выдал господин Чиффинч, и он же направил меня сюда.

Лорд Кларендон фыркнул:

– И часто ли Чиффинч дает вам поручения?

– Иногда... Я ведь еще служу секретарем в Совете красного сукна, где состоит господин Чиффинч.

– Нам прекрасно известно, что это значит, – язвительным тоном заметил Кларендон. – За государственное жалованье члены Совета и пальцем не шевельнут. Королю они служат, скажем так, менее официальным образом. Равно как и их секретари. – Лорд Кларендон поглядел на Милкота. – Ну что ж, Джордж. Мы, разумеется, должны помогать властям, то есть оказывать господину Марвуду всяческое содействие, насколько это в наших силах. Так Олдерли убить?

Милкот пожал плечами:

– Тело мы еще не осматривали, милорд, но трудно представить, чтобы он упал в колодец сам. Если в павильоне было темно, он, конечно, мог оступиться. Но как он вообще там оказался?

– Вы ведь его знаете? Как вы с ним повстречались? – Кларендон выдержал паузу и поглядел на Милкота.

У меня возникло ощущение, будто этим взглядом хозяин желал что-то сказать своему секретарю.

Милкот кашлянул:

– Я был немного знаком с ним несколько лет назад, милорд, когда дела Олдерли процветали.

– Вы имели в виду, до краха его отца. Свет не видывал такого коварного плута!

– Каков бы ни был его отец, тогда Эдвард Олдерли отнесся ко мне по-доброму. – Милкот снова прокашлялся. – Когда я встретил его несколько месяцев назад, его положение, увы, изменилось не в лучшую сторону. Кажется, Олдерли пытался приумножить то небольшое, что осталось от его состояния, за карточным столом.

– Игроки – самые большие глупцы из всех представителей рода человеческого. – В тоне Кларендона прозвучали резкие нотки.

– Олдерли хотел взяться за ум. Он стремился поправить дела менее рискованными методами и обратился за помощью ко мне.

– И вы, как последний простофиля, одолжили ему денег?

– Да, милорд, немного. Ровно столько, чтобы он вернул самые срочные долги.

– Вы чересчур мягкосердечны, Джордж. Этих денег вам не видать как своих ушей.

«Милкот не просто мягкосердечен, – отметил я. – Этот человек до такой степени наивен, что поверил проходимцу вроде Эдварда Олдерли».

– Олдерли сказал мне, что хочет стать уважаемым человеком и поступить на службу, – продолжил Милкот. – Я обещал помочь ему найти место. Я бы обратился к вам, но я понимал, что вы даже слышать о нем не захотите.

– Значит, вы не совсем уж безнадежный олух. – Кларендон не улыбался, однако его голос звучал теплее. – И как же Олдерли попал сюда? Что он делал в павильоне?

– Не знаю.

– Милорд. – Я начал терять терпение. – Мне сказали, что единственный человек, кроме нас, кому известно о гибели Олдерли, – тот самый слуга, который сегодня утром отпер павильон и нашел тело.

Кларендон строго поглядел на меня. Он не жаловал тех, кто заговаривал с ним прежде, чем он сам к ним обращался.

– Для начала обсудим главные вопросы. Обещаете ли вы, что будете хранить эту историю в секрете? В такое сложное время я не могу позволить себе быть замешанным в скандале.

– Да, милорд.

– Если поползут слухи, я буду точно знать, кто виноват. – Лорд Кларендон не сводил с меня глаз. – Вам не нужен такой враг, как я.

Я решил, что не позволю ему меня запугать. У меня есть ордер от самого короля.

– Разрешите побеседовать с тем самым слугой.

– Разумеется. – Кларендон взглянул на Милкота. – Кто нашел тело?

– Горс, милорд.

– Не знаю такого. Велите, чтобы этого человека привели ко мне.

– К сожалению, его сейчас нет, – ответил Милкот и вполголоса прибавил, будто напоминая лорду Кларендону: – Траурные кольца.

– Возможно, вам известно, что месяц назад скончалась моя жена, – произнес Кларендон ровным, абсолютно бесстрастным тоном.

– Сегодня Горс раздает траурные кольца в память о ее светлости, – объяснил мне Милкот. – В основном ее бывшим протеже и знакомым. Ему предстоит объехать весь город. Думаю, раньше обеда его ждать не стоит. Точнее сказать не могу.

– Вы уверены, что этот Горс – надежный человек? – уточнил Кларендон.

– Полагаю, что да, милорд. Я знал его, когда он еще служил на прежнем месте. Это я рекомендовал Горса нашему мажордому.

– Хотелось бы разрешить эту загадку, – проговорил лорд Кларендон, по-прежнему не сводя с меня глаз. – Вы меня понимаете? И ради короля, и ради моего личного блага. В моем доме можете проводить любые изыскания, какие сочтете нужным, однако только в сопровождении Милкота – и внутри, и снаружи.

Я кивнул:

– Как вам будет угодно, милорд.

– Моя покойная супруга любила этот павильон, – уже мягче прибавил лорд Кларендон. – В прежние времена там располагался банкетный зал, с которым у нее были связаны теплые воспоминания о юности. Я хотел снести павильон и выстроить на его месте новый, в том же стиле, что и особняк. Но жена умоляла меня не трогать павильон, и в конце концов я согласился его сохранить – во всяком случае, частично. Однако я настоял на том, чтобы павильон реконструировали: он ведь должен сочетаться с домом и садом. – Лорд Кларендон выдержал паузу, пристально глядя на меня. – Вы женаты, господин Марвуд?

Я покачал головой.

– Нет? Если когда-нибудь вступите в брак, то сами убедитесь, что семейная жизнь требует постоянных компромиссов.

Лорд Кларендон умолк, повернул голову и устремил взгляд в окно.

– Тело Олдерли обнаружили в колодце, милорд, – заметил я. – Он был частью старого здания?

– Да. – Лорд Кларендон снова повернулся ко мне. Отчего-то его глаза заблестели ярче. – Леди Кларендон питала особую слабость к здешней воде. Говорила, что даже в самый жаркий день она остается студеной, а ключ, питающий наш колодец, отличается исключительной чистотой. – Тон лорда Кларендона изменился, и я, сам не зная как, понял, что он взбешен. – Труп отравил колодец моей жены, Марвуд. Загрязнил чистый ключ. Передайте королю, что ради моей супруги я хочу избавиться от этой скверны.

Глава 11

И вот пришло время для худшей из моих обязанностей. Этого момента я боялся с самого начала. Мы с Милкотом вернулись в павильон, чтобы внимательно осмотреть тело. Я как мог откладывал эту малоприятную работу. Для начала я остановился у калитки в дальней стене сада. Она была частью временного частокола, установленного на месте, где позже будут садовые ворота. Калитка оказалась заперта на замок и на засов. Милкот сказал, что ею почти не пользуются, садовники и строители ходят здесь лишь изредка.

Затем я поднялся на второй этаж, чтобы осмотреть главный зал павильона. Здесь работы продвинулись дальше, чем внизу. Застекленные окна оказались заперты. Вверху лестницы я заметил дверь, ведущую на смотровую площадку. Она тоже была заперта на замок и засов.

Наконец стало ясно, что нельзя и дальше откладывать неизбежное. В подвале мы с Милкотом сняли с Эдварда Олдерли верхнюю одежду. Даже вдвоем ворочать труп оказалось непросто. Олдерли был крупным мужчиной, отличавшимся избыточной полнотой, а с тех пор как я видел его в последний раз, он раздался вширь еще больше.

После событий прошедшего года доскональный осмотр трупов и близкое соприкосновение со смертью и ее последствиями должны были бы даваться мне легче. Но привычка еще не помогла мне зачерстветь и побороть брезгливость. Возможно, этого не произойдет никогда.

– Как Горс догадался, что в колодце человек? – спросил я, когда мы вытаскивали руки Олдерли из рукавов.

– Крышка была убрана, – ответил Милкот. – А еще Горс споткнулся о шляпу Олдерли – она валялась на полу. Тогда он и сообразил заглянуть в колодец.

– Что ваш слуга делал в павильоне в столь ранний час? Он всегда приходит сюда в это время?

– Нет. Однако с утра должны были привезти известь, а господин Хэксби не мог прийти так рано. Я поручил Горсу принять доставку. Он вошел со стороны сада, отпер дверь и спустился в подвал, чтобы открыть окна. В павильоне сыро, и мы следим, чтобы помещение регулярно проветривалось. Внизу было еще темно, и Горс нес в руке фонарь.

Ноги трупа упали на каменный пол, и из утробы с длинным, протяжным звуком вырвались газы.

– Боже правый! – произнес Милкот. – Ну и работа! Неужели к подобным вещам можно привыкнуть?

– По всей вероятности, нет, – сердито бросил я.

Он что же, полагает, будто я с утра до вечера покойников ворочаю?

Я отметил, что стадия окоченения, через которую проходят все трупы, еще не наступила. Возможно, ее отсрочило пребывание в студеной колодезной воде. Если бы мы умели точно измерять временные этапы разложения, мы смогли бы определить, когда утонул Олдерли, – во всяком случае, приблизительно. Однако единственное, что нам известно: он утонул после того, как в субботу вечером Хэксби ушел вместе со строителями и запер павильон, и до того, как сегодня утром Мэтью Горс пришел отпереть павильон, чтобы туда занесли известь.

Я отогнал неприятную мысль о том, что есть и другой вариант: в субботу Кэт пришла сюда вместе с Хэксби, и Олдерли утонул прежде, чем они отправились домой.

Сапоги с трупа нам удалось снять только вдвоем: кожа набухла от воды. Даже тяжелый физический труд не помог мне согреться. Казалось, в подвале становилось все холоднее и холоднее. От колодезной воды стыли руки, вся моя одежда была забрызгана.

– У кого есть ключ? – выговорил я, отдуваясь, когда мы наконец обнажили ступни с нестриженными ногтями, напоминавшими бледные когти.

Милкот зашвырнул сапог в угол.

– У господина Хэксби. У меня – я распоряжаюсь всеми ключами в хозяйстве. У его светлости, но он им не пользуется, он лежит под замком в его кабинете. И у мажордома – Горс наверняка взял ключ именно у него.

– А ключи от дома и сада?

– Они спрятаны за семью замками. После беспорядков вокруг дома мы соблюдаем предельную осторожность. Ночью по саду бродят мастифы, а сторожа каждый час устраивают обход. В доме глаз не смыкают два лакея, а в переднем дворе всю ночь горят фонари.

– Тогда как же Олдерли проник в павильон? – спросил я.

Милкот пожал плечами:

– Для меня это загадка. Хотя, может быть, он пришел днем, когда здесь трудились строители. А когда они запирали павильон, Олдерли был уже мертв.

Милкот рассуждал в том же направлении, что и я, и мои мысли снова обратились к Хэксби и Кэт. Повернувшись к Олдерли, я расстегнул ремень у него на животе. Стянуть с трупа бриджи оказалось почти так же трудно, как и сапоги.

Смерть придает человеку не только нелепый, но и жалкий вид. Когда мы раздели Олдерли до рубашки, он будто съезился и стал казаться уязвимым, точно малое дитя. Милкот поднял фонарь, и я постарался как можно более добросовестно осмотреть тело. На предплечьях и плечах я заметил царапины, да и на пальцах была содрана кожа. Вот они, мрачные свидетельства того, что утопающий барахтался в воде, со всех сторон окруженный лишь отвесными стенами колодца. Ощупывая голову, я заметил синяк на лбу.

Олдерли ударился, когда летел в колодец? Или на него кто-то напал раньше?

Присев на корточки, мы перевернули тело обратно на спину. Я решил заняться карманами. Милкот пристально следил за мной. У Олдерли был с собой кошелек с почти тридцатью шиллингами серебром и двумя фунтами золотом. Для большинства людей это целое состояние, но бедность – понятие относительное.

Еще я обнаружил кольцо с двумя ключами, один из почерневшей стали, с длинной шейкой, а второй намного меньше и изящнее: похоже, он был изготовлен из серебра, а его головку украшало ажурное кольцо – судя по всему, с монограммой. Я поднес второй ключ к свету, но буквы так переплетались друг с другом, а окружавший их орнамент был столь затейлив, что я даже не разобрал, сколько их, две или три.

Затем во внутреннем кармане я обнаружил пачку размокших бумаг. Я попытался разлепить листы, но бумага порвалась.

– Вы не могли бы дать мне мешочек или сумку? – спросил я.

– Что? – Милкот оторвал взгляд от имущества Олдерли. – Мешочек?

– Я заберу вещи покойного с собой. Мне нужно куда-нибудь их положить.

Милкот кивнул:

– Разумеется.

Он ушел и вернулся с мешочком на завязках из грубой холстины.

– Подойдет?

– Идеально.

Милкот открыл мешочек, вытряхнул на пол содержимое – около дюжины только что выкованных гвоздей – и протянул его мне. Я положил внутрь бумаги, ключи и деньги.

– Олдерли раньше жил в Холборне, в Барнабас-плейс, – произнес я. – Это огромный особняк, там можно разместить целую армию. Он до сих пор там обитал?

– Нет. Чтобы расплатиться с долгами, он был вынужден продать дом вместе с львиной долей обстановки. Однако Эдвард Олдерли по-прежнему владел частью дома неподалеку, там он и жил. На Фэрроу-лейн.

– Вы там бывали?

Милкот покачал головой:

– Мы встречались в таверне, или Олдерли приходил сюда. Он жаловался, что его квартира очень мала. К тому же часть дома была заложена, и Олдерли приходилось сдавать помещение плотнику. – Милкот печально улыбнулся. – Думаю, ему было стыдно. Олдерли не хотел, чтобы я видел, до какого жалкого состояния он опустился. По правде говоря, я не слишком хорошо его знал, однако мне было его жаль.

Я снова повернулся к телу. У Олдерли отвисла челюсть. Я взял шпагу. Это был тонкий клинок из хорошей стали. Вокруг рукоятки были обвязаны две шелковые ленты, одна красная, а другая синяя. Возможно, некая леди подарила их Олдерли в знак благосклонности. На клинке прямо под рукояткой был выгравирован какой-то рисунок. Я поднес шпагу к окну и узнал герб Олдерли – самка пеликана кормит птенцов.

– Это старинная шпага работы самого Клеменса Хорна, – произнес Милкот. Вытянув руку, он с почтением дотронулся до клинка – так влюбленный касается руки прекрасной дамы, принадлежащей другому. – Хорн – немецкий мастер, – продолжил он. – Должно быть, шпаге лет пятьдесят, но лучшего оружия вы не найдете.

– Я бы хотел заглянуть в колодец, – проговорил я.

Отойдя от трупа, я испытал глубокое облегчение. Мы с Милкотом подняли крышку и положили ее на пол. Она легко поддалась. В случае необходимости взрослый мужчина может открыть колодец без посторонней помощи. Или взрослая женщина.

Милкот присел на корточки на краю колодца и посветил фонарем в темную бездну. За пределами круга света было ничего не разглядеть. По моей просьбе Милкот принес веревку и привязал ее к кольцу в верхней части фонаря. Затем он спустил фонарь в колодец. Свет заплясал на гладко обтесанных камнях – шахта колодца оказалась выложена камнем, а не кирпичом.

Тут мне в голову пришла еще одна мысль, но я снова промолчал. По первому впечатлению Милкот мне понравился, но мы с ним служили разным господам.

Спускаясь все ниже и ниже, фонарь раскачивался и вертелся вокруг своей оси. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем фонарь наконец повис над водой.

– Господин Хэксби измерял глубину колодца, – заметил Милкот. – До уровня воды примерно сорок футов. Ну а до дна еще футов двадцать.

Я вспомнил синяки и царапины на теле Олдерли. Умел ли он плавать? Я представил, как он барахтается в воде, отчаянно пытаясь за что-нибудь ухватиться или нащупать опору, однако вокруг лишь гладко обтесанный камень. И все это время вода утягивала его на дно, не выпуская свою жертву из ледяных объятий.

Но сейчас не до подобных размышлений, и я воспользовался шансом отвлечься.

– Как вы достали тело?

Вопрос настолько очевидный, что мне стало стыдно: как же я не додумался до него раньше?

– Мы с Горсом воспользовались лебедкой. – Милкот указал свободной рукой на деревянную конструкцию, которую я с самого начала заметил в углу подвала за колодцем, рядом с горой деревянных шестов. – Это приспособление привезли каменщики. С его помощью они клали новый раствор между камнями в колодце. Горс спустился к воде и прицепил к поясу Олдерли пару крюков.

– Хладнокровия вашему слуге, похоже, не занимать, – заметил я. – Оно и к лучшему, иначе в колодец пришлось бы лезть мне.

– Осмелюсь предположить, что Горс видал зрелища и похуже, – ответил Милкот. – Он рассказывал мне, что некоторое время служил подмастерьем у мясника, но они с хозяином не сработались. Однако, прежде чем истек срок его договора, Горс наверняка перетаскал немало туш.

Фонарь покачивался в нескольких дюймах от черной маслянистой поверхности воды.

– Господи помилуй! – вскричал я. – Что это?

В воде мелькнуло что-то темное. В колодце плавало живое существо!

Милкот издал смешок.

– Всего лишь парик Олдерли, сэр. – Он снова хохотнул, но мне показалось, что его смех звучит истерически. – А вы за что его приняли?

– Сам не знаю.

– Хотите, прикажу Горсу или еще кому-нибудь выловить парик?

– На ваше усмотрение. По мне, так пусть гниет.

– Парик может кому-нибудь пригодиться. Такая вещь стоит несколько фунтов.

Милкот втянул фонарь обратно наверх.

– Мне в голову пришла одна мысль, – произнес он, отвернувшись, чтобы повесить свернутую в кольцо веревку на подъемник. – Думаю, что гибель Олдерли все-таки несчастный случай. – Милкот снова повернулся ко мне и, понизив голос, затараторил: – Предположим, днем он пришел сюда по собственной воле, подкупил стражников, чтобы его пропустили в сад, и спрятался здесь, намереваясь ограбить дом, когда все уснут. Но в темноте Олдерли споткнулся...

Милкот умолк. «А как же мастифы? – подумал я. – Как же ночные сторожа, задвижки, засовы, замки и другие предосторожности, предпринятые Кларендоном, чтобы обезопасить свою резиденцию от незваных гостей?»

– Сэр, вам наверняка известно, что у лорда Кларендона много врагов, – с неожиданным пылом продолжил свою речь Милкот. – Если молва о случившемся дойдет до такого человека, как герцог Бекингем, он найдет способы использовать эту историю против его светлости. Может быть, даже обвинит лорда Кларендона в том, что Олдерли убили по его приказу. Согласитесь, для всех будет только лучше – и для короля, и для герцога Йоркского, и для его светлости, – если тело найдут не здесь.

– К чему вы клоните? – холодно спросил я.

– У лорда Кларендона и в мыслях нет вставать на пути у правосудия, но господин Олдерли мертв. Оказался он в павильоне случайно либо намеренно, его уже не вернуть. – Милкот указал на покойника в длинной рубашке. – Пусть его обнаружат в другом месте. Всего лишь невинная уловка, которая никому не повредит, в том числе и Олдерли. Более того, мы защитим его репутацию. Иначе сплетники будут говорить, что проникнуть в резиденцию Кларендона его заставила жажда наживы.

Милкот поднял фонарь выше, пытаясь разглядеть выражение моего лица, и выдержал паузу, однако я хранил молчание.

– А еще мы оградим от наветов его светлость. Времена нынче сложные, – торопливо продолжил Милкот. – У бедного лорда Кларендона и без того достаточно неприятностей. Я бы хотел избавить его хоть от одного лишнего повода для тревоги. Лорд Кларендон порядочный и благородный человек, сэр, что бы ни говорили его враги.

– Ничуть не сомневаюсь, – произнес я.

– Всего-то и нужно вынести труп Олдерли из поместья и оставить его в каком-нибудь из фермерских садов возле Оксфорд-роуд. – Я отошел от колодца, и Милкот последовал за мной. – Можно бросить тело в пруд, это объяснит, почему оно мокрое. Тогда все подумают, будто его ограбили и убили разбойники. Никто не сможет доказать обратное.

Я не произносил ни слова. В полном молчании мы снова накрыли колодец крышкой и поднялись по лестнице. Я остановился у двери, дожидаясь, когда Милкот найдет ключ.

Тот покачал головой, будто укоряя самого себя.

– Простите, сэр. Вы, должно быть, думаете, что я не в своем уме. Прошу вас, забудьте все, что я говорил. Не знаю, что на меня нашло.

После того как мы осмотрели тело и обошли другие помещения в павильоне, я отобедал в обществе Милкота в столовой мажордома. Он больше не пытался убедить меня перенести

труп в другое место. У меня создалось впечатление, что Милкоту и в самом деле стыдно оттого, что он завел этот разговор. Не то чтобы я его осуждал, – напротив, я даже в некотором смысле проникся к этому человеку уважением, ведь им руководила преданность лорду Кларендону.

Я толком не замечал, что ем, и за столом мы почти не разговаривали. Меня занимали размышления обо всем, что я узнал за эти два часа. Во время осмотра павильона выяснилось, что окна внизу заперты, а до верхних никто добраться не мог. На крыше никаких следов не обнаружили. На самом верху располагалась смотровая площадка, но дверь, ведущая туда с лестницы, по которой мы спустились в подвал, была заперта изнутри и на задвижки, и на засов.

Другими словами, в павильон можно было проникнуть только из сада. Сначала Милкот, а затем мажордом подтвердили, что от этой двери есть только четыре ключа: первый у лорда Кларендона, второй у мажордома, третий у Милкота, а четвертый у Хэксби.

Прежде чем мы ушли из павильона, я осмотрел и замок, и ключ Милкота. В замках я не слишком разбираюсь, и все же я определил, что этот достаточно современный: выступы на бородке приспособлены для того, чтобы поворачивать четыре рычажка внутри замка, и все они разного размера. Должно быть, чтобы изготовить копию такого ключа, понадобился бы опытный мастер. Никаких следов взлома механизма я не заметил.

И это не единственная загадка. Днем в саду было полно народу, к тому же он отлично просматривается из окон дома. Ни один посторонний не сумел бы пройти через сад незамеченным. А на ночь ворота, ведущие в сад, запирают, выпускают собак и выставляют ночных сторожей, патрулирующих территорию через равные промежутки времени.

Но справедливости ради надо заметить, что я, к своему удовольствию, разгадал другую загадку, попроще – или, во всяком случае, нашел правдоподобное объяснение: раз Хэксби работал в павильоне, Кэт вполне могла его сопровождать, если не каждый раз, то хотя бы иногда. Возможно, Олдерли заметил ее во время одного из своих визитов к Милкоту.

Время истекало. Обнаружение тела надолго в секрете не сохранить, ведь герцог Бекин-гем и его союзники только тем и заняты, что строят козни лорду Кларендону. Герцог Йоркский намерен сделать все возможное, чтобы гибель Олдерли не бросила тень на его тестя, а значит, и на него самого. В этом король, похоже, с ним заодно, хотя разобраться в мотивах его величества всегда непросто: может, он всего лишь потворствует брату, а может, у монарха свои причины не допускать, чтобы враги лорда Кларендона использовали полученные сведения как оружие против бывшего лорд-канцлера, который был верным наперсником и советником короля в долгие годы изгнания.

Для лорда Кларендона благоприятными будут только два возможных исхода: первый – станет известна причина гибели Олдерли, убийцу – если смерть насильственная – призовут к ответу, и суд постановит, что лорд Кларендон не имеет к случившемуся ни малейшего отношения. А второй вариант намного проще: претворить в жизнь идею Милкота и перенести тело в другое место. Если король отдаст соответствующие распоряжения, они будут исполнены. Но в противном случае об этом не может быть и речи.

Однако сильнее всего меня тревожило другое: если Олдерли действительно погиб насильственной смертью, а это представляется вполне вероятным, то на роль убийцы больше всех подходит Кэтрин Ловетт. Я неоднократно убеждался, что бурные чувства заставляют эту девушку действовать не колеблясь, а причин ненавидеть Эдварда Олдерли у нее более чем достаточно.

Я не предам Кэт – во всяком случае, по доброй воле, ведь мы столько пережили вместе. Но если кто-то другой обнаружит, что и она, и Эдвард Олдерли посещали Кларендон-хаус, плохи ее дела – как, впрочем, и мои, ведь я уже скрыл то, что мне известно об этой девушке.

Если за убийство Эдварда Олдерли повесят дочь цареубийцы, этот исход дела устроит всех, кроме Хэксби и меня. Помимо того, я лично предупредил Кэт, что Олдерли каким-то образом выследил ее. Что, если на этом основании меня объявят соучастником убийства?

Когда обед подходил к концу, я обсудил с Джорджем Милкотом некоторые из этих соображений. Он всячески старался мне помочь, однако, когда мы затрагивали вопросы, касающиеся чести лорда Кларендона, Милкот высказывался крайне осторожно. Мне нравилась его преданность хозяину, и тем прискорбнее, что обстоятельства вынуждали меня лгать ему – или, во всяком случае, о многом умалчивать.

– Когда вы в последний раз видели Олдерли? – решил уточнить я.

– На прошлой неделе. Мы встретились в «Трех бочках» на Чаринг-Кросс.

– Вы не заметили в его поведении ничего необычного?

– Нет. Олдерли был в хорошем настроении. Мы обсуждали одно мое вложение. Я приобрел небольшую долю в каперской компании, и Олдерли предлагал купить ее.

Я вспомнил обнаруженный нами кошелек.

– Выходит, в нищете он не прозябал?

– Нет. У меня сложилось впечатление, что его дела пошли в гору. – Милкот едва заметно улыбнулся. – Олдерли сам заплатил за вино, еще и меня угостил.

– Я должен как можно скорее побеседовать со слугой, нашедшим тело, – проговорил я. – Как, вы сказали, его фамилия – Горс?

– Да, Мэтью Горс. Вы еще раз придете в Кларендон-хаус вечером или мне отправить его к вам?

– Мне в любом случае придется к вам вернуться, – произнес я с уверенностью, которой не ощущал. – Никуда не отпускайте Горса, пока я с ним не поговорю.

Дабы создать впечатление, будто я в первый раз слышу имя Хэксби, я спросил у Милкота, что он за человек и можно ли ему доверять.

– За него ручался господин Пратт, – ответил Милкот. – К тому же кандидатуру Хэксби предложила ее светлость, то есть покойная леди Кларендон.

– Пратт?

– Господин Роджер Пратт, архитектор. Он проектировал особняк его светлости, но у господина Пратта не было возможности взять на себя еще и перестройку павильонов.

– Как леди Кларендон узнала о господине Хэксби?

– Не припомню, чтобы она об этом говорила, – пожал плечами Милкот. – Что вполне естественно – ее светлости не нужно было ни перед кем отчитываться. Главное, что этого человека рекомендовал господин Пратт. Насколько мне известно, господин Хэксби работал с доктором Реном и с доктором Гуком, и оба о нем высокого мнения.

– Где я могу его найти?

– На Генриетта-стрит, под знаком розы находится его чертежное бюро. Хэксби следит за работой строителей, а также занимается землемерными работами и проектированием. Честно говоря, когда я встретился с ним впервые, я был несколько обеспокоен – бедняга страдает то ли от дрожательного паралича, то ли от лихорадки, – но похоже, что на качестве его работы этот недуг не сказывается. Тем более что под его началом трудятся хорошие помощники. Ее светлость особенно ценила готовность господина Хэксби пойти ей навстречу и при перестройке сохранить как можно больше от старого банкетного зала. Вы хотите нанести ему визит?

– Да, – кивнул я, однако в подробности вдаваться не стал. – Мне нужно встретиться с господином Хэксби, и поскорее.

Но сначала я должен заняться другими делами, о которых господину Милкоту знать незачем.

По-прежнему лил дождь. Я решил взять наемный экипаж.

Шагая по Пикадилли в поисках свободных карет, я следил, чтобы меня не окатили брызгами проезжавшие повозки и всадники. На ближайшей стоянке ни одного экипажа не оказа-

лось, вероятно, причина была в дождливой погоде. Надвинув пониже шляпу и завернувшись в плащ, я продолжил путь.

На встречу с леди Квинси меня отправил Уильям Чиффинч. Он же прислал меня сюда. Но Чиффинч во всех отношениях человек короля, ведь покровительство монарха помогает ему заботиться о собственных интересах. Выходит, за обоими этими поручениями стоит его величество? И значит ли это, что они взаимосвязаны?

Напротив Королевских конюшен слуги в ливреях открывали массивные ворота Уоллингфорд-хауса, городской резиденции герцога Бекингема. Я остановился посмотреть. Сначала показались верховые, а следом за ними – огромная карета, украшенная позолоченными львами и павлинами. В роскошный экипаж были запряжены шесть лошадей одинаковой масти. За каретой, держась за ремни на задней стенке, по лужам бежали четверо забрызганных грязью лакеев, их, казалось, не смущал ущерб, наносимый их одежде.

Выйдя из Тауэра, герцог не собирался скрывать свое присутствие в Лондоне. Карета остановилась у парадного входа, и двери тут же распахнулись. На крыльцо вышел герцог собственной персоной. Это был высокий краснолицый мужчина в светлом парике и шляпе с перьями. Он был одет в серебристый камзол и синие бриджи, его грудь пересекала такая же синяя орденская лента, а над сердцем сверкала звезда – орден Подвязки. Помахав рукой небольшой толпе зевак, герцог бросил им горстку серебряных монет и сел в карету.

Под приветственные крики толпы экипаж покотил в сторону Уайтхолла. А я направился к стоянке наемных экипажей возле Чаринг-Кросс.

Эта сцена ясно продемонстрировала, что герцог и лорд Кларендон являются полными противоположностями: одного простые лондонцы считают героем, другого злодеем. Казалось, даже король встал на сторону Бекингема. Но если его величество намерен пожертвовать Кларендоном, отдав его на расправу Бекингему и врагам в парламенте, зачем же король дал мне поручение, как будто бы имеющее целью защитить репутацию Кларендона? Может, влияние на монарха оказал герцог Йоркский? Или королем движут иные, скрытые мотивы?

Глава 12

Извозчик высадил меня у моста Холборн.

– Фу! – воскликнул он, прикрывая нос рукавом. – Вонь, как у шлюхи под мышкой!

Фэрроу-лейн тянулась с севера на юг по восточную сторону от моста через реку Флит. Река была забита мусором. Поблизости работала кожевенная мастерская, а там, где дубят кожу, неизменно царит смрад.

Улица была прямой и узкой. Южную часть уничтожил Пожар. Завалы расчистили, но на их месте ничего не построили. Однако люди ютились на пустыре в самодельных хижинах, таких хлипких, что казалось, их может сровнять с землей одно дуновение ветра.

Южную часть дороги частично завалило: недавно обрушилась длинная стена, когда-то обозначавшая внешнюю границу здания, уничтоженного Пожаром. Пешком там еще можно было пробраться, но для повозок камни на дороге – непреодолимая преграда.

Расплатившись с возницей, я стал прокладывать себе путь сквозь толпу. В неповрежденной северной части улицы было многолюдно. По звукам пилы и молотков я легко отыскал мастерскую плотника. После Пожара те, кто занимался этим ремеслом, без работы не сидели, и подходящего леса все время не хватало.

Ставни были распахнуты. Хозяин мастерской с подмастерьем собирали каркас простой кровати, в чем им с удивительной сноровкой помогал мальчуган лет десяти-двенадцати – надо думать, сын плотника. Однако части каркаса упорно не желали соединяться друг с другом, и поэтому мастера так яростно орудовали молотками и пилой, а в воздухе витало раздражение.

Я стоял у окна, укрываясь от дождя и частично загораживая свет, и вот наконец плотник оторвался от работы и поднял голову. Плечи сгорблены, лицо узкое, но черты крупные, а лоб необычайно низкий. Этот человек напоминал берберийскую обезьяну.

– В чем дело? – резко бросил он, однако потом запоздало обратил внимание на мою одежду и респектабельный вид и поспешил прибавить: – Сэр.

– Я ищу квартиру господина Олдерли, – ответил я.

Плотник указал на потолок:

– Он живет наверху. Но его сейчас нет.

– Я знаю. У меня есть ключ. – (Плотник пожал плечами.) – У меня также есть ордер, по которому я имею право зайти внутрь, – прибавил я, хотя, строго говоря, тут я несколько покривил душой. – Если хотите, можете взглянуть.

Плотник открыл дверь и принялся изучать документ, который я ему показал.

– Это подпись короля, – сказал я, указывая пальцем на бумагу. – А вот его личная печать.

Плотник прищурился и с легким сомнением заметил:

– Здесь не говорится, что вам разрешено заходить в мой дом.

Я понизил голос, рассудив, что, позоря мастера при подмастерьях, я ничего не добьюсь:

– Речь не о вашем доме, а о доме господина Олдерли. Если пожелаете, я вернусь с магистратом и парой констеблей, и тогда вас будут судить за то, что вы чините препятствия королевскому правосудию. Или можете избавиться себя от лишних неприятностей и показать мне дверь Олдерли.

Плотник облизнул губы:

– Говорите, у вас есть ключ?

– Разумеется. – Я показал ему кольцо, на котором висели два ключа Олдерли. – И ордер позволяет мне ими воспользоваться.

– Хорошо. Хэл, отведи-ка джентльмена к двери в квартиру господина Олдерли, да поживее!

– Секунду. Как вас зовут?

– Томас Беарвуд.

– Когда вы в последний раз видели господина Олдерли?

– Не помню. Кажется, на прошлой неделе. Надо у жены спросить.

К нам подошел мальчик, вытирая рукавом сопливый нос. Отец отвесил ему подзатыльник.

– Говорят тебе – поживее!

Мальчишка взвыл, но, кажется, больше для порядка – удар, похоже, не нанес ему вреда. Он повел меня в коридор, тянувшийся вдоль мастерской и ведущий в жилую часть дома. Позади снова завизжала пила. Ни слова не говоря, паренек указал на дверь.

Я вставил в замочную скважину большой ключ и повернул его. Механизм поддался. Мальчишка глядел на меня снизу вверх, и я понял, что он старается получше рассмотреть шрамы от ожогов у меня на лице. Заметив, что я на него смотрю, мальчик убежал туда же, откуда пришел. Я оглядел коридор. Больше здесь никого не было. Я открыл дверь и шагнул через порог.

Я очутился в крошечной прихожей. Наверх вела лестница. Я закрыл дверь и запер ее на засов, потом стал взбираться по ступенькам. Крутые и узкие, они скрипели при каждом шаге. Наконец я поднялся на площадку с тремя закрытыми дверьми. В воздухе стоял сильный застарелый запах мочи, но зловоние, исходившее от кожанной мастерской, заглушало и его.

Ближайшая дверь вела в комнату, почти все пространство которой занимала украшенная богатой резьбой кровать. Шторы раздвинуты, постель не застелена. За кроватью располагался чулан, полный одежды: одни предметы гардероба висели на кольшках в стене, другие валялись в доверху набитом сундуке. Сразу бросалось в глаза, что эта одежда принадлежит богатому человеку, любящему кружева, ленты и атлас. Некоторые вещи выглядели поношенными и не слишком чистыми, но другие явно были новыми. Я дотронулся до рукава бархатного костюма и задался вопросом, во сколько Олдерли обошелся такой наряд.

Вторая дверь на площадке вела в кладовую, значительно превосходившую по размерам гардеробную. Здесь хранились различные предметы, которые Эдварду Олдерли, вероятно, удалось забрать из Барнабас-плейс: свернутые рулонами гобелены, портьеры и ковры, поставленные друг на друга столы и стулья и окованный железом сундук, запертый на два висячих замка и три внутренних. В трещину в стене кто-то вколотил деревянный кольшечек, на котором висели четыре шпаги, – неужели Олдерли мало одной? Все вещи в кладовой были покрыты слоем пыли.

А третья дверь вела в большую квадратную комнату в задней части здания, однако из-за обилия предметов обстановки это помещение казалось тесным. На стенах, покрытых деревянными панелями, висело множество картин. Олдерли явно использовал эту комнату как салон или гостиную. На столе я заметил остатки трапезы и две пустые винные бутылки.

Я постарался осмотреть квартиру настолько тщательно, насколько позволяло нагромождение вещей. Задачу усложняло то, что я имел весьма смутные представления о предмете моих поисков и просто высматривал любые мелочи, способные объяснить, каким образом тело Олдерли очутилось в колодце недостроенного павильона лорда Кларендона. Особое внимание я обращал на шкапулки, дверцы шкафов и тому подобное, но маленький серебряный ключ на кольце не подошел ни к одному замку.

Больше всего внимания я уделил массивному письменному столу, стоявшему в нише. Ящики были забиты всевозможными бумагами – счетами, расписками о карточных долгах, письмами. Автором некоторых посланий, судя по всему, был сам Олдерли, поскольку несколько записок, касавшихся долгов, были написаны одним почерком. Эти письма представляли собой черновики или копии, и большинство из них свидетельствовали о попытках Олдерли тем или иным способом раздобыть денег. Однако в пачке в правом ящике я обнару-

жил записку, выведенную аккуратным секретарским почерком и этим разительно отличавшуюся от остальных. Она была датирована прошлым понедельником, ровно неделю назад.

Сэр, документы на вашу собственность на Фэрроу-лейн готовы, и вы можете забрать их в моем кабинете в любое разумное время, удобное для обеих сторон.

Дж. Тёрнер

№ 5, Барнардс-инн

Милкот упоминал, что недвижимость Олдерли была заложена. Однако, судя по этому письму, владелец погасил ссуду. Я точно не знал, каких размеров заем можно получить за такой дом, однако предполагал, что сумма немалая: после Пожара вся уцелевшая недвижимость Лондона возросла в цене. Записав имя Тёрнера и его адрес, я вернул послание на прежнее место.

За окном темнело, день близился к вечеру, а я так и не обнаружил в этой захлавленной квартире ничего, что указывало бы на связь между Кларендон-хаусом и Олдерли. Ни одного упоминания о Милкоте я в бумагах тоже не нашел. Единственной странностью были неожиданные признаки того, что благосостояние хозяина квартиры не так давно возросло, – к примеру, новая одежда и письмо от Дж. Тёрнера из Барнардс-инн.

Я уже задвигал ящик, когда в глаза мне вдруг бросилась висевшая над столом картина. Не в силах оторвать от нее взгляда, я застыл как каменный. Меня пробрала холодная дрожь.

Передо мной предстал маленький портрет в простой, но массивной раме. На полотне были изображены голова и плечи женщины из общества. Я узнал Кэтрин Ловетт.

Но, приглядевшись, я понял, что это вовсе не Кэт. Портрет был написан в прежние времена, двадцать или даже тридцать лет назад. Эта женщина была одета в темно-зеленое платье с пышными рукавами, ее шею украшало жемчужное ожерелье. Завитые локоны ниспадали вдоль белоснежной шеи.

На заднем плане я заметил особняк, очертания которого показались мне знакомыми. Он носил название Колдридж, и я побывал там в прошлом году. Раньше поместье Колдридж принадлежало семье матери Кэт, и в детстве госпожа Ловетт несколько лет жила там вместе с тетужкой. Колдридж по праву принадлежал ей, но дядя Кэт вместе с Эдвардом Олдерли обманом отняли у нее поместье.

Однако с картиной было что-то не так. Я подошел ближе и перегнулся через стол. Ни на одном портрете я не видел таких неестественно больших пустых глаз. И тут я понял, в чем дело. Кто-то выковырнул оба зрачка – скорее всего, острием кинжала.

Внизу забарабанили в дверь.

Я спустился туда.

– Кто там? – спросил я.

– Госпожа Беарвуд! А ну открывайте!

Я отодвинул засов. Жена плотника едва доходила мне до локтя, но недостаток роста она с лихвой восполняла суровостью нрава. Протолкавшись мимо меня в прихожую, эта женщина уперла руки в бока и сердито уставилась на меня. Она явно чувствовала себя хозяйкой положения.

– Вы кто такой? – потребовала ответа госпожа Беарвуд. – По какому праву вы рыщете по чужим домам? Отвечайте, пока я констебля не позвала!

Я показал ей мой ордер, и хозяйка внимательно его прочла.

– Про мой дом здесь не говорится, – проворчала она. – Во всяком случае, прямо. Но бумага, похоже, настоящая. Беарвуд словно вчера родился. Наивный, будто дитя, да и ума, как у младенца. Извините, господин, но мой муженек кого угодно к нам пустить мог.

– Ничего страшного, госпожа Беарвуд.

Но хозяйка не успокаивалась.

– Я уж испугалась, что вор добро из дома выносит, а муж с сыном и не чешутся. До чего досадно, что Хэл у нас весь в папашу! Беарвуд даже читать толком не умеет, из вашего ордера он понял не больше, чем из воскресной проповеди. – Хозяйка оглядела меня с ног до головы с обидным отсутствием интереса, потом шагнула чуть в сторону, чтобы получше рассмотреть мои шрамы.

– По вам не скажешь, что вы придворный, – заметила она.

– Я не придворный, – пояснил я. – Я служу в Уайтхолле секретарем. Но я рад, что вы пришли, госпожа. Мне нужно задать вам несколько вопросов.

В душе хозяйки вспыхнула борьба: злость – на меня, на супруга, а может, и на весь мир – против опасения нажать врага в моем лице, если я и впрямь тот, за кого себя выдаю.

– Когда вы в последний раз видели господина Олдерли? – спросил я.

– Не пристало нам болтать про его дела.

– Ослушиваться короля вам тоже не пристало. Клянусь честью, ничто из сказанного вами не причинит господину Олдерли ни малейшего вреда.

Ее черные глазки-бусинки пристально глядели на меня.

– В субботу вечером, – наконец ответила госпожа Беарвуд. – Весь день он просидел дома, но около восьми часов куда-то отправился.

– Господин Олдерли часто уходил в это время?

Хозяйка пожала плечами:

– Он иногда всю ночь гулял, ежели ему охота. Или день-деньской с постели не встает. А бывает, вскакивает с петухами. Но меня его привычки не касаются. У меня, сэр, работы по горло, и...

Я жестом остановил ее.

– Давно вы его знаете? – задал я вопрос.

– Года полтора. Господин Олдерли сдает нам мастерскую и весь первый этаж. Прислуги он не держит, в квартире у него убираю я, а Хэл носит ему обед и бегаёт по поручениям. – Госпожа Беарвуд выдержала паузу, и по взгляду ее мышиных глазок я понял, что в уме она производит быстрые подсчеты. – А вы знакомы с господином Олдерли?

– Да, – подтвердил я. – Впервые я повстречался с ним в прошлом году, когда он еще жил в Барнабас-плейс. – В этом доме Эдвард Олдерли напал на Кэтрин Ловетт и силой овладел ею в ее собственной постели. – К господину Олдерли приходят гости?

Госпожа Беарвуд покачала головой:

– Только Епископ.

– Епископ? – Я удивленно взглянул на хозяйку. – Сам епископ лондонский?

– Нет, сэр. – Госпожа Беарвуд посмотрела на меня свысока. – Епископ – это прозвище. Он друг господина Олдерли. И если вы из той же компании...

– Господин Олдерли мне не друг, а просто знакомый. Когда этот Епископ был здесь в последний раз?

– В пятницу, – ответила госпожа Беарвуд. – Он привез господина Олдерли домой. – Она сердито фыркнула. – Господин Олдерли опять набрался. Еле на ногах стоял. Идти не мог, зато языком молот без передышки. Ох и намучились Беарвуд с Епископом, когда наверх его затаскивали!

Следующий вопрос я задал на всякий случай, не особо надеясь получить ответ:

– Вы не знаете, где живет друг господина Олдерли?

Госпожа Беарвуд потихоньку пятилась к выходу: ей, видимо, надоели мои расспросы.

– Не знаю. Наверное, в Уотфорде.

– В Уотфорде? За городом? Почему вы так думаете?

– Когда Епископ уходил, господин Олдерли открыл окно – и давай орать на всю улицу! Ревел, как бык, его даже на кухне было слышно, при закрытом-то окне! Тогда я и услышала

про Уотфорд. Может, Епископ проповедник, хотя по виду не скажешь – священники шпаги не носят.

– Проповедник? – переспросил я, чувствуя себя так, словно тонул.

– Может быть. Просто господин Олдерли кричал что-то вроде: «Приедешь в Уотфорд – обязательно расскажи им про Иерусалим».

– Иерусалим? – переспросил я.

– Иерусалим. Ей-богу, не вру.

Глава 13

По пути в Уайтхолл меня одолевал соблазн заглянуть на Генриетта-стрит и предупредить Кэт Ловетт, рассказав ей о судьбе кузена. Но благоразумие победило. Я не желал, чтобы о нашем знакомстве стало известно. К тому же нужно было спешить: Чиффинч ждал моего доклада.

Во всяком случае, так я себя оправдывал. На самом же деле меня повергала в ужас мысль, что Кэт прекрасно известно о смерти Эдварда Олдерли и, более того, она собственными глазами видела, как он тонул. Мне не давали покоя слова, произнесенные ею два дня назад на Новой бирже: «Мне не удалось убить Эдварда, о чем я горько сожалею».

Возле Уайтхолла я столкнулся с господином Уильямсоном, причем в буквальном смысле слова – он выходил из ворот суда на улицу, по которой шел я. Чтобы избежать несчастного случая, я был вынужден отскочить в сторону.

– Марвуд! – рявкнул Уильямсон. – Когда вы вернетесь к своим обязанностям?

– Не могу сказать, сэр. Когда король и господин Чиффинч...

– Как прикажете выпускать «Газетт» без вас? – Раздражение стерло лоск, который Оксфорд и Лондон придали Уильямсону, и в его речи зазвучали бескомпромиссные гласные, выдававшие уроженца севера. – У меня своих забот хватает, мне некогда возиться с вашими женщинами!

Я не сразу сообразил, что Уильямсон имеет в виду разносчиц, исходивших вдоль и поперек улицы Лондона со связками номеров «Газетт». Трудности с нашей службой доставки я убрал в такой дальний угол памяти, что почти забыл об их существовании.

– По непонятным для меня причинам в ваше отсутствие выпускать газету согласно установленному распорядку становится невозможно, да и мои каждодневные поручения толком не исполняются. Ума не приложу, с чего вдруг. Я не могу допустить, чтобы Чиффинч и дальше гонял вас туда-сюда, как ему заблагорассудится, тем самым нарушая работу вверенного мне ведомства. Я предприму соответствующие меры. А пока заявляю, что ваше присутствие требуется в Скотленд-Ярде, и как можно скорее.

Я поклонился:

– Да, сэр. Поверьте, в этом наши желания совпадают.

Уильямсон хмыкнул, коротко кивнул мне и быстро зашагал по улице, высматривая наемный экипаж.

Я направился в Тихую галерею. Там за дверью скрывался вход на лестницу, ведущую в личные покои короля. Это были владения Чиффинча. Я попросил одного из стражников доложить о моем приходе и выразил надежду, что господин Чиффинч согласится меня принять.

Дожидаюсь ответа, я снова принялся разглядывать портрет итальянской вдовы и в результате пришел к заключению, что между этой женщиной и леди Квинси нет ни малейшего сходства. Боясь, что господин Чиффинч застанет меня возле этого портрета, я добрую четверть часа прохаживался по галерее то в одну сторону, то в другую, пока ко мне наконец не приблизился слуга. Он проводил меня в сумрачную комнату рядом с задней лестницей, где мы с Чиффинчем уже один раз беседовали в начале года. Зарешеченное окошко выходило на реку. По стеклу барабанил дождь, в комнате стоял запах сточных вод. Из своего маленького опыта я сделал вывод, что в это неприятное помещение людей вызывают исключительно для неприятных разговоров.

Чиффинч уже ждал меня. Еще не стемнело, однако он приказал зажечь свечи. Чиффинч сидел за столом напротив окна. Перед ним лежала гора бумаг, рядом с которыми стояла неизменная бутылка вина. Когда я рассказывал обо всем, что удалось выяснить в Кларендон-хаусе и на Фэрроу-лейн, он внимательно слушал.

Я описал тело Олдерли и поведал о том, что обстоятельства, при которых этот человек попал в запертый садовый павильон, окутаны тайной – так же как и причина гибели молодого повесы. Я пересказал свою беседу с лордом Кларендоном, подчеркнув, что его светлость до глубины души возмущен осквернением павильона его покойной супруги и желает избежать скандала. Упомянул я и о том, что секретарь Кларендона, господин Милкот, намекал, что всем будет удобнее, если тело перенесут в другое место.

– Ах вот как, – произнес Чиффинч. – Любопытно. – Он махнул рукой. – Продолжайте, Марвуд.

Повествуя о своем визите на Фэрроу-лейн, я ни разу не солгал Чиффинчу, но и всей правды не сказал. Я рассказал, как с удивлением обнаружил признаки того, что дела Олдерли в последнее время шли в гору. Сообщил о так называемом Епископе, в пятницу вечером притащившем Олдерли домой, и о совете, который ему дал хозяин квартиры: отправиться в Уотфорд и рассказать там про Иерусалим. Но о женском портрете с вырезанными зрачками я умолчал, равно как и о том, что одетая по моде прежних лет дама – вылитая Кэт Ловетт.

Пока я говорил, Чиффинч не произносил ни слова. На него это было не похоже. Вот я закончил рассказ, а он все молчал. Он водил пальцем по краю своего бокала с вином, круг за кругом. Через некоторое время комнату заполнил пронзительный дрожащий звук. Постепенно он становился все громче. Я заерзал на стуле.

– Если пожелаете, завтра же отправлю человека в Уотфорд, чтобы разузнал обо всех вновь прибывших проповедниках. Кстати, у мистера Уильямсона там есть корреспондент, можно написать ему напрямую. А я тем временем нанесу визит господину Тёрнеру в Барнардс-инн и спрошу его про закладную. К тому же у меня практически назначена встреча со слугой из Кларендон-хауса, который...

Внезапно заунывный звук стих.

– Хэксби, – произнес Чиффинч.

Я уставился на него во все глаза.

Чиффинч холодно глядел на меня в ответ.

– Хэксби, – повторил он, сморщив нос. – Мне прекрасно известно, что вам это имя знакомо. Не прошло и года с тех пор, как вы сами упомянули его в разговоре со мной. Это тот самый маркшейдер и архитектор, который открыл мастерскую рядом с Ковент-Гарден. По моим сведениям, весьма уважаемый представитель своего ремесла. И, как мы оба знаем, этот человек уже попадал в мое поле зрения.

Я постарался как можно быстрее взять себя в руки.

– Да, сэр, я хорошо его помню.

Я понимал, что ступаю на зыбкую почву: именно Чиффинч устроил для леди Квинси встречу со мной в Банкетном доме. С его стороны вполне разумно полагать, что этот разговор напомнил мне и о Кэт, и о Хэксби. Чиффинчу известно, что в конце прошлого года Кэтрин Ловетт нашла прибежище под крышей господина Хэксби.

– Вы знаете, что архитектор, занимающийся перестройкой павильона лорда Кларендона, – не кто иной, как этот самый Хэксби? – вкрадчиво осведомился Чиффинч.

– Да, сэр. Господин Милкот, секретарь лорда Кларендона, упоминал его имя сегодня утром, но я не придавал значения...

– Неужели вам не пришло в голову, что это обстоятельство может иметь отношение к делу? – тоном, исполненным сарказма, произнес Чиффинч. – Нам ведь уже известно, что дочь Ловетта работает в мастерской у Хэксби под вымышленным именем, и короля такое положение дел вполне устраивает – при условии, чтобы эта девица никому не доставляла неприятностей. Его величеству мстительность несвойственна. Когда леди Квинси сообщила королю, что Олдерли опять угрожает госпоже Ловетт, наш государь согласился даже на то, чтобы вы пре-

дупредили девушку. Некоторые скажут, что король слишком мягкосердечен, но не мое дело ставить под сомнение его решения.

Я попытался, насколько возможно, изобразить ситуацию в выгодном свете.

– Я посчитал маловероятным, что господин Хэксби возьмет с собой на строительные работы женщину.

– Однако эта женщина – дочь цареубийцы. Говорят, что Кэтрин Ловетт так же фанатична, как и ее отец, – одержимая безумной ненавистью, она вонзила нож в глаз собственному кузену. Олдерли выжил только чудом. Вдобавок она чуть не сожгла дом, пока ее дядя и тетя спали.

Казалось, Чиффинч впервые в жизни был искренне потрясен.

– Чтобы женщина вероломно подняла руку на членов собственной семьи! На родственников, приютивших ее! – продолжил он. – Подобное злодейство просто в голове не укладывается! И вот теперь кузен госпожи Ловетт утонул – или, что более вероятно, утоплен – в доме, где работал Хэксби. Неужто это обстоятельство не кажется вам достойным внимания?

– Признаю, совпадение интересное, сэр.

– Совпадение? И кем же мне вас после этого считать, Марвуд, тупицей или изменником? Напрашивается только один вывод. – Чиффинч открыл лежавшую перед ним папку и достал лист бумаги. – Сегодня днем мне пришло письмо.

Чиффинч пододвинул послание ко мне и, попивая вино, стал наблюдать за тем, как я читаю. И дата, и обратный адрес отсутствовали.

Достопочтенный сэр!

Господин Эдвард Олдерли утонул в колодце в новом павильоне лорда Кларендона в поместье Кларендон-хаус. С ним расправилась кухня, Кэтрин Ловетт, отродье цареубийцы и противоестественное создание, недостойное называться женщиной. Она скрывается в доме господина Хэксби на Генриетта-стрит, возле Ковент-Гарден. Господин Хэксби в последнее время часто бывал в Кларендон-хаусе, а с ним и эта дьяволица. У Хэксби есть ключ от павильона.

Друг его величества

Слова выводили нетвердой рукой, однако причиной тому вряд ли была малограмотность автора: скорее, он пытался скрыть свой почерк, взяв перо в левую руку. Я перевернул письмо, но с обратной стороны увидел только имя Чиффинча. Выходит, отправитель знал, кому адресовать послание. Человек несведущий обратился бы к магистрату или к одному из высокопоставленных чиновников, призванных следить за общественным порядком. За пределами Уайтхолла мало кому известно об особом положении Чиффинча – человека, занимающегося личными делами короля. А тех, кто знает, что именно Чиффинчу его величество поручил разобраться в обстоятельствах гибели Олдерли, и того меньше.

– Письмо оставили у сторожа, – сказал Чиффинч. – Я спрашивал, кто его принес, но этого человека никто не видел.

У меня зашумело в ушах.

– Значит, госпожа Ловетт арестована, сэр?

– К сожалению, нет, – ответил Чиффинч. – Сегодня во второй половине дня к Хэксби приходили офицеры, чтобы взять ее под стражу, но эта женщина исчезла. Бегство – лучшее доказательство вины.

Я кивнул, будто соглашаясь. «Боже мой! – подумал я, постепенно начиная осознавать всю тяжесть положения. – Этого проклятого письма в сочетании с бегством достаточно, чтобы отправить Кэт на эшафот!»

– Офицеры доставили в Уайтхолл Хэксби, – между тем продолжал Чиффинч. – Но от него толку мало. Этот старый дурак только дрожит как осиновый лист. Однако мы, разумеется, найдем ее, и очень скоро.

Для меня ситуация усугублялась с каждой секундой.

– Можно ли как-нибудь выяснить, кто автор письма? – спросил я.

– Откуда мне знать? – сердито бросил Чиффинч. – Впрочем, это не имеет значения. Доказательства у нас в руках, осталось лишь изловить Кэтрин Ловетт и вздернуть ее на виселице. И Хэксби вместе с ней – как соучастника. Вероятно, старик помог ей скрыться и даже приложил руку к убийству Олдерли. Вряд ли преступница справилась бы одна. Пусть Кэтрин Ловетт дьяволица, но она ведь всего лишь женщина. Наверняка эта особа наняла каких-нибудь головорезов и поручила им всю грязную работу.

Но я знал Кэтрин Ловетт гораздо лучше, чем Чиффинч. Меня так и тянуло возразить, что, если все женщины похожи на нее, еще нужно разобраться, который из полов следует признать слабым.

Чиффинч подлил себе еще вина и подался вперед.

– С другой стороны, Марвуд, у дела есть и обратная сторона, – понизив голос, продолжил он. – Король не желает, чтобы эта история наделала шуму. Его величество обеспокоен будущим Кларендона, а скандал подобного рода может сказаться на ряде сложных переговоров, которые сейчас проходят. К тому же есть люди, готовые воспользоваться любой возможностью устроить переполох. Не секрет, что и лорд Кларендон, и герцог Йоркский только и ждут подвоха от герцога Бекингема. Скандал поможет ему удовлетворить свои амбиции.

Чиффинч замолчал и отпил глоток вина. Поставив бокал обратно на стол, он устремил на меня испытующий взгляд. Значит, худшее еще впереди. Откровенность Чиффинча – дурной знак.

– Итак. – Теперь его голос зазвучал еще вкрадчивее. – У короля есть для вас два поручения. Первое – сделать все, чтобы Кэтрин Ловетт изловили как можно скорее. А второе – перенести тело Олдерли подальше от поместья Кларендон-хаус и его садов.

Я будто ухнул в пропасть. Своей судьбой я мог распоряжаться не больше, чем младенец в утробе матери.

– Куда? Каким образом?

– Будет лучше, если это я предоставлю решать вам и секретарю лорда Кларендона. Если не ошибаюсь, его фамилия Милкот? Говорят, в сообразительности ему не откажешь, да и неудивительно – его светлость не потерпел бы у себя на службе дурака. Советую вам передать основную инициативу в его руки. – Чиффинч выдвинул ящик стола, достал кошелек и бросил его мне. – Это на случай, если понадобятся деньги, но потом вы должны будете отчитаться обо всех расходах.

– Сэр, правильно ли я вас понял?..

– Вам достаточно понимать одно, Марвуд: тело нужно перенести. Убийство Олдерли не должно пятнать репутацию лорда Кларендона и тем более репутацию короля. Оставьте труп в каком-нибудь не слишком приметном месте, куда его мог доставить кто угодно. Учтите, что правосудие свершится в любом случае и преступница ответит за свое злодеяние, и не важно, убила она Эдварда Олдерли собственными руками или заплатила наемникам. Мы всего лишь обставим дело так, чтобы не нарушить интересы других людей.

– Но ведь если тело Олдерли найдут в другом месте, разве вы сможете доказать причастность Кэтрин Ловетт? – заметил я.

– Не будьте тугодумом, Марвуд. Олдерли ведь не своей смертью умер, верно? И как я уже сказал, не секрет, что эта женщина ненавидит кузена, а в прошлом году она чуть не расправилась с Олдерли в его же собственном доме. Ну а бегство можно расценивать как своего

рода признание в убийстве. К тому же стоит судье узнать, кем был отец этой женщины, и в правильности вердикта можно будет не сомневаться.

Наконец Чиффинч отпустил меня. Но едва я приблизился к двери, как он вскинул руку:

– Секундочку. Знаете старинную поговорку: «Не тронь дерьмо – вонять не будет»? Так вот, это дерьмо уж точно лучше не трогать. Иначе от вони задохнемся мы все.

Глава 14

Вечером ее второго дня на ферме Мангота Кэт сидела у окна в своей комнате и глядела на раскинувшиеся за домом поля. Смеркалось, и в темноте палатки и хижины, к счастью, не бросались в глаза так, как днем.

Вечер выдался холодным, но внизу горели всего два-три костра, хотя народу в лагере жило немало. Однако за много месяцев запасы дров успели иссякнуть. Дневной шум стих: сегодня мужчины из лагеря под руководством Израила Хэлмора строили новые жилища и укрепляли старые. Для работы они использовали гвозди и холстину, которые Хэлмор с Манготом привезли из Лондона. На землю уже ложился иней, и погорельцы отдавали себе отчет в том, что до зимы осталось недолго.

Окно Кэт было открыто, и до нее с другой стороны лагеря долетало пение: мужчины собирались там по вечерам и пили зерновой самогон, который варили во дворе, в обветшалом сарае. К окну поднимался и запах дыма, и смрад от ручья, используемого погорельцами вместо уборной. Когда-то ферма Мангота процветала, но эти времена давно прошли.

Лагерь погорельцев не был похож на те лагеря, которые власти создали сразу после Великого пожара на окраинах Лондона, таких как Мурфилдс и Смитфилд. Они, почти все уже закрытые, были относительно благоустроенными территориями с аккуратными импровизированными улочками, вдоль которых стояли временные лавки с разными товарами. Рынков поблизости тоже хватало, и, кроме того, у обитателей лагерей была возможность зарабатывать себе на жизнь – Лондон постепенно возрождался из пепла, а для этого требовались рабочие руки. А этот маленький, затерянный в глуши лагерь был погружен в полный хаос. Здешние жители подчинялись только Израилу Хэлмору, чья власть держалась на силе характера, и господину Манготу, пустившему их на свои земли по двум причинам: во-первых, возделывать земли в одиночку ему было не по силам, а во-вторых, хозяин утверждал, что ему явилось видение и Господь приказал ему искупить и собственные прегрешения, и грехи покойного сына, дав приют бездомным.

На кухне было теплее, но Кэт предпочитала проводить вечера здесь, уединившись в маленькой комнатке под самой крышей, где когда-то жил сын старика. Дверь была крепкой, к тому же с засовом. В любом случае за пределами ее спальни ничего интересного не происходило: дом постепенно обращался в руины, а в лагерь добровольно отправился бы только безумец.

Кэт клонило в сон, и ее мысли сами собой обратились к заказу в Кларендон-хаусе. Осовременить старый павильон – задача нелегкая, о чем господин Хэксби сразу предупредил его светлость. Гораздо проще было бы снести здание и выстроить новое в том же стиле, что и второй павильон в противоположном углу сада. Как бы они ни старались, результатом может стать уродливая, не вписывающаяся ни в одну категорию помесь старого и нового. Особенно много сложностей возникнет с задним и боковыми фасадами. Однако Кэт рассудила, что сам особняк – точно такая же уродливая помесь, несмотря на баснословные деньги, вложенные в его строительство. Фронтоны и симметрия здания отвечают классическим канонам, но чисто английское пренебрежение к архитектурным ордерам проявилось и здесь. Если бы великие увидели это строение с небес, Андреа Палладио покачал бы головой, а Витрувий от негодования всплеснул бы руками.

Насколько поняла Кэт, лорд Кларендон сохранил павильон из чисто сентиментальных соображений, желая порадовать больную супругу. Поначалу ее светлость иногда появлялась на людях. А позже, когда состояние ее здоровья ухудшилось, страдавший подагрой лорд Кларендон, морщась от боли и опираясь на руку Милкота, ковьялял по саду к павильону, чтобы

оценить ход работ. Но с тех пор как леди Кларендон скончалась, хозяин больше в павильон не приходил. Вместо него за строительством наблюдал господин Милкот, секретарь его светлости.

Но об этом человеке Кэт думать не хотела. Ее все больше тревожил разговор, который она вчера утром случайно услышала в повозке по дороге на ферму. Если Хэлмор говорил правду, беспорядки у Кларендон-хауса организует герцог Бекингем. А кто такой Епископ? Похоже, что агент герцога. Судя по словам Хэлмора, этот человек намерен и дальше строить козни лорду Кларендону, однако на этот раз он задумал что-то похуже. Может быть, этот Епископ будет подстрекать толпу, чтобы те снесли ворота и подожгли дом. А что, если готовится нападение на самого Кларендона?

Кэт нравилась леди Кларендон, и к его сиятельству она относилась с уважением: хорошие клиенты, которые знают, чего хотят, проявляют к работам интерес и своевременно оплачивают счета, встречаются редко. Может быть, с архитектурной точки зрения особняк далек от совершенства, однако Кэт вовсе не желала ему гибели. Она горько сожалела, что не может предупредить Кларендона.

Откуда-то из лагеря донесся пронзительный женский визг, напоминая Кэт, что она не сможет отсиживаться у себя весь вечер: пора готовить старику ужин – если, конечно, эта трапеза заслуживает столь громкого названия. Такова была часть платы за гостеприимство Мангота.

Кэт медленно спустилась по скрипучей лестнице, переступив через прогнившую третью ступеньку снизу, и вошла в кухню. Господин Мангот уже сидел за столом. Медленно водя пальцем по строкам, он читал Библию при слабом свете зловонной лучины. Старик по-прежнему был одет в рубаху из небеленого льна, которая была ему слишком велика. Мангот был болезненно худым и всегда чрезвычайно понурым.

Кэт развела огонь и поставила разогреваться котелок с супом. Другой еды в доме не было, если не считать зачерствелого хлеба, который они макали в бульон, чтобы хоть немного его размягчить. Сегодня утром Кэт дала господину Манготу еще пять шиллингов в надежде, что он купит продуктов.

Во дворе залаяла одна собака, за ней вторая, а потом обе затихли.

– Вы кого-то ждете? – шепотом спросила Кэт, опуская руку в карман, где лежал нож.

– Верно, разносчик приехал, – не поднимая головы, произнес хозяин. Голос у него был скрипучий – наверное, оттого, что Мангот им почти не пользовался. – На чужих собаки по-другому лают. Он сначала пойдет к Израилу, а потом ко мне. Наш разносчик всегда собирает заказы в понедельник вечером. Он еще и торгует – каждый раз предлагает что-нибудь купить.

– А продукты он продает? – спросила Кэт.

Не переставая водить пальцем по странице, Мангот покачал головой.

– Ваш разносчик может доставить письмо в Лондон?

Мангот оторвался от книги. Его глаза были затянуты пленкой, и Кэт только подивилась, как он разбирает буквы.

– Письмо? Вот сама у него и спроси. Кому писать собралась?

– Вашему племяннику.

Мангот фыркнул:

– Он что, ухаживает за тобой?

– Нет.

– Оно и к лучшему.

Кэт взглянула на котелок с супом, под которым тлел огонь. Разогреть суп будет еще четверть часа, не меньше.

– Я быстро.

Взяв лучину, Кэт поднялась к себе в комнату и написала записку Бреннану.

Пожалуйста, скажите Х., чтобы предупредил л. К., что г. Б. платит черни, чтобы они осаждали К.-х. Их главарь – человек г. Б. по прозвищу Епископ. Этот Епископ злоумышляет еще что-то против К., желая нанести ему болезненный удар. Пусть Х. напишет л. К. письмо и скажет, будто подслушал разговор в таверне.

Подписываться Кэт не стала. Вырвав листок с посланием из записной книжки, девушка сложила его и написала сверху имя Бреннана. Запечатать письмо было нечем. Кэт сомневалась, будет ли от ее предупреждения хоть какой-то толк, даже если оно дойдет до Бреннана: ему придется доказывать Хэксби, что к письму надо отнестись со всей серьезностью, а это уже само по себе непросто, и после этого Хэксби еще должен убедить лорда Кларендона. Наверное, лучше поговорить с господином Милкотом. Кэт замерла в нерешительности: может, развернуть письмо и добавить постскриптум? Но потом девушка нахмурилась. Ситуация с Милкотом так и не разрешилась, а значит, его в это дело впутывать не следует.

Внизу забарабанили в дверь. Кэт сунула письмо в карман и спустилась на кухню. Разносчик показывал Манготу пачку сборников баллад, текстов проповедей и памфлетов – все только что из печати. Когда вошла Кэт, он вскинул голову, продемонстрировав бельмо на глазу, и окинул девушку быстрым оценивающим взглядом, прежде чем вернуться к разговору с фермером.

Пока мужчины беседовали, Кэт вытерла стол и поставила на него деревянные тарелки и кружки. Помешивая суп, она не могла дожидаться, когда же он наконец разогреется. Мангот купил памфлет о заговоре папистов, задумавших убить короля отравленным кинжалом прямо во время богослужения в Уайтхолле.

Пока разносчик собирал свой товар, Кэт попросила его отвезти письмо в Лондон. Он согласился, заявив, что доставит письмо на Генриетта-стрит утром. За услугу разносчик потребовал с Кэт два шиллинга, хотя они оба знали, что цена просто грабительская.

– Я хочу, чтобы вы отдали письмо не слуге или первому, кто откроет дверь, а лично адресату, – объясняла Кэт. – Он работает у господина Хэксби, под вывеской с розой, его фамилия Бреннан, у него худое лицо и рыжие волосы. Он племянник господина Мангота.

Разносчик улыбнулся ей беззубым ртом и плюнул в очаг, едва не попав в котелок с супом.

– Тогда с вас еще шиллинг.

Кэт нехотя уплатила полную сумму. Разносчик повернулся, собираясь уходить, и тут дверь черного хода открылась и в кухню ворвался поток холодного воздуха, а вслед за ним порог перешагнула высокая фигура. Израил Хэлмор.

В его правой руке болталась заячья тушка, уже освежеванная и выпотрошенная. Хэлмор бросил ее на стол, на котором она развалилась в жутковатой пародии на негу.

– Для вашего котелка, хозяин.

Глава 15

Покинув Уайтхолл, я отправился домой. Маргарет подала мне ужин. Вооружившись вилкой и ножом, я накинулся на вареную баранину, словно на врага. В одном я был согласен с Чиффинчем: Олдерли убили. Как бы он проник в подвал сам, без чьей-либо помощи? Кто убрал крышку с колодца? Более того – на полу лежала вынутая из ножен шпага погибшего. На клинке не было ни капли воды. Не намokли даже ленты, обвязанные вокруг рукоятки. Зато ножны вымокли так же сильно, как и их владелец, а значит, когда он упал в колодец, они были у него на поясе.

Это наводило на мысль, что Олдерли обнажил свою шпагу раньше, чем он упал или был сброшен в колодец. А зачем еще доставать шпагу, если не для защиты или нападения?

Поев, я зажег побольше свечей и достал из кармана холщовую сумку, которую дал мне Милкот. Я разложил на столе содержимое карманов Олдерли: два ключа, деньги в плоском кошельке с шелковой подкладкой – с такими ходят игроки – и отсыревшую связку бумаг. Однако последние намokли не так сильно, как мне сначала показалось: похоже, от воды их частично защитила плотная шерстяная ткань камзола Олдерли. Я насчитал пять-шесть небольших листов, единожды сложенных и перевязанных лентой. Верхний лист оказался пустым.

Разрезав ленту, я попытался разделить бумаги. Одна из них тут же порвалась. Взяв всю стопку, я спустился на кухню. Маргарет прибиралась после ужина. При моем появлении она бросила на меня настороженный взгляд, ведь до этого я был с ней резок.

– Насколько горяча печь? – спросил я.

– Это не... я не пользовалась ею с сегодняшнего утра. – Она вытерла пот со лба тыльной стороной ладони. – Я сгребла уголья в кучу, чтобы к утру они еще тлели. Хотите, я их опять разбросаю, господин?

Печь была встроена в левую стену очага. Наклонившись, я сунул руку внутрь. Кирпичи, которыми была выложена печь, на ощупь были сухими и чуть теплыми.

– Нет, – ответил я. – Угли не трогай. Эти бумаги намokли. На ночь оставлю их здесь сушиться.

– А что мне делать с ними утром?

– Прежде чем разводить огонь, аккуратно достань их и положи туда, где с ними ничего не случится. – Я обвел взглядом полутемную кухню. – Скажем, в миску на шкафу.

Пожелав Маргарет доброй ночи, я вернулся в гостиную, где провел следующие несколько минут, в сиянии свечей разглядывая серебряный ключ.

Судя по размеру и тонкой работе, его изготовили, чтобы открывать шкатулку или дверцу шкафа. Ничего похожего я в квартире Олдерли не видел, а впрочем, имущества у него много, а я осматривал комнаты не настолько тщательно, чтобы заметить все до мелочей. Я еще раз взгляделся в монограмму, но безуспешно: украшенные завитками буквы переплетались так витиевато, что прочесть их было невозможно. Что это – «С»? Или «П»?

Я лег в постель, но события этого дня не давали мне уснуть. Вдобавок меня тревожили мысли об Оливии, леди Квинси. Лежа на спине в кровати с задернутым пологом, со всех сторон окруженный темнотой, я пытался воскресить в памяти черты этой женщины, но тщетно. Вместо этого передо мной ясно возникло лицо ее африканского пажа, глядевшего на меня так пристально, будто мальчик старался меня запомнить.

На рассвете меня разбудил вопль, донесшийся снизу.

Затем Маргарет принялась кричать, а когда она замолчала, чтобы перевести дух, я услышал низкий голос Сэма. Выругавшись, я встал с постели и вышел на лестницу в одной рубашке.

– Придержите языки, черт бы вас побрал! – гаркнул я.

Тут же стало тихо. Потом с лестницы донесся топот Маргарет – она поднималась по ступенькам. Сэм что-то говорил ей вслед жалобным, виноватым тоном. Когда Маргарет добралась до лестничной площадки, щеки ее пылали еще ярче обычного. С мужем она ссорилась частенько и обычно одерживала верх. В руках Маргарет держала глиняную миску.

– Вот ведь остолоп! – переводя дух, выговорила она. – Дубина!

– В чем же он провинился? – спросил я.

– Простите, господин. Ваши бумаги...

– Что случилось?

Маргарет застыла на последней ступеньке, не решаясь ступить на площадку.

– Я их вытащила, сэр, – стала рассказывать она. – Все, как вы велели. Потом я оставила их на столе, всего на минутку, чтобы развести огонь в очаге, а этот недоумок... не поверите, что ему в голову взбрело! Взял один лист, скрутил и сунул в огонь, чтобы от него свечу зажечь!

Маргарет показала мне миску. Бумаги, которые я оставлял в печи, уцелели, но сверху лежал пепел.

Сэм вскарабкался по ступенькам следом за женой.

– Откуда же я мог знать, господин? Эта дуреха бросила их как попало, будто мусор! Я ведь не ясновидящий! Я...

– Хватит, – перебил я его и взял миску у Маргарет. – Уходите оба. Нагреется вода – принесете ко мне в комнату.

Я вернулся в спальню. В ожидании горячей воды для умывания я изучал уцелевшие бумаги. Листы хорошо просохли, и теперь разделить их не составило труда. Одна из бумаг оказалась очередным счетом, на этот раз от перчаточника Олдерли. А вот счет из таверны за еду и напитки, на бумаге винные пятна, а внизу кое-как нацарапано: «оплачено». Другие два листа также не представляли интереса: неразборчиво напечатанный политический памфлет, в котором яростно ругали лорда Кларендона, и приглашение в Королевский театр – там в прошлую субботу давали «Северянку».

А вот и обугленный кусок бумаги – все, что осталось от документа, которым Сэм зажег свечу. Это был неровный уголок листа. Из того, что там было написано, сохранились только четыре буквы: «алим!».

Может быть, Иерусалим? Вот он, ключ к словам, которые Олдерли прокричал вслед Епископу: «...Обязательно расскажи им про Иерусалим». Однако я по-прежнему далек от разгадки, и все из-за того, что Сэм...

Раздался стук в дверь, и в комнату вошла Маргарет с кувшином воды. Вид у нее был такой, будто ее сейчас вздернут на виселицу.

– Сэм и впрямь дурень, – заметил я. – Да и вы не лучше – оставили бумаги без присмотра. И я тоже умом не блещу, иначе бы этого не допустил.

У Маргарет, похоже, дрожали колени, однако она почтительно присела и поставила кувшин на умывальник.

Я взглянул на ее удрученную физиономию.

– Женщина, хватит разыгрывать трагедию! Все мы совершаем ошибки. Это не конец света. Будьте добры, передайте Сэму, чтобы как следует вычистил мой плащ.

Маргарет поспешила покинуть комнату. При этом вид у нее был такой, будто ее помиловали в последнюю минуту перед казнью. Не так давно они с Сэмом опустились на самое дно нищеты, и я подозревал, что в глубине души оба до сих пор боятся, что я отправлю их туда, откуда забрал.

Одевшись, я сошел вниз. После завтрака я написал короткое письмо одному из личных корреспондентов господина Уильямсона – сеть, в которую входил этот человек, опутывала всю страну и снабжала моего начальника сведениями, как официально, так и конфиденциально. Я

решил обратиться к некоему Фишеру, содержавшему маленькую таверну в Уотфорде, в двух шагах от церкви.

Я часто вел переписку с этим корреспондентом от имени господина Уильямсона и поэтому был уверен: Фишер не заподозрит, что на этот раз я обращаюсь к нему от себя лично. Из письма следовало, что мне якобы велели разузнать, не баламутят ли умы жителей городка странствующие проповедники, и если да, упоминают ли они в своих речах Иерусалим.

Люди подобного сорта часто рассуждают о Новом Иерусалиме, царстве небесном, в которое превратится Англия, когда все ее обитатели ступят на праведный путь добродетели, а что именно считать добродетелью, на то у проповедников свое мнение. Религия и политика всегда шли рука об руку, и часто под личиной священнослужителей скрывались агитаторы, с неподдельным пылом старавшиеся разжечь пламя мятежа.

В былые времена отец Эдварда Олдерли яхшался с подобными людьми. Возможно, сын пошел по его стопам. А если так, то его гибель вызовет еще больше нежелательных осложнений, чем я ожидал.

В послесловии я дал понять господину Фишеру, что дело не терпит отлагательств, и намекнул, что господин Уильямсон будет особенно благодарен, если корреспондент пришлет ответ срочной конной почтой.

Я позвал Сэма. Когда он, ковыляя, вошел в комнату, при виде него я испытал уже ставшую привычной смесь раздражения, досады и, если уж говорить начистоту, дружеского расположения. Сэм Уизердин служил на флоте, пока голландская пушка не отстрелила ему правую ногу ниже колена. В результате Сэм передвигался при помощи деревянного протеза и костыля. Когда он поступил ко мне на службу, я выдал ему приличное платье, чтобы он выглядел как подобает слуге человека, чья карьера в Уайтхолле идет в гору. Я настоял, чтобы Сэм брился раз в неделю. Но что бы я ни говорил и ни делал, придать Уизердину респектабельный вид никак не получалось. Волосы у него вечно торчали в разные стороны, одежда смотрелась неряшливо, и, что хуже всего, была в нем какая-то лихость, которую я никак не мог побороть. Время от времени Сэм не прочь был залить глаза, но длительный опыт научил его ловко это скрывать, и припереть его к стенке было не так-то просто. Однако Сэм обладал качествами, которые я со временем ценил все больше.

– Я вычистил ваш плащ, господин, – сообщил он. – Ни капельки грязи не пропустил. Он теперь как новый. И туфли ваши я тоже почистил.

– Отнеси-ка это письмо на почту, – приказал я, отсчитывая деньги и за быструю доставку, и за ответ. – Срочно.

Сэм не ответил, но по выражению его лица я понял, что он считает поручение такого рода ниже своего достоинства. Он протянул грязную ладонь, взял деньги и письмо и с протяжным вздохом вышел из комнаты, а когда закрывал за собой дверь, хлопнул ею громче обычного.

Глава 16

Около дюжины мужчин и женщин собрались у ограды Кларендон-хауса. Всех, кто входил или выходил за ворота, они провожали свистом и окриками.

– Дюнкерк-хаус! – неслись в мою сторону вопли, пока я дожидался, чтобы меня впустили. – Танжер! Бесплодная королева! Голландский изменник! Под суд мерзавца!

Встречать меня вышел Джордж Милкот в элегантном черном камзоле.

– И часто здесь такое? – спросил я, когда мы шли через передний двор.

– Иногда, – ответил Милкот, оглядываясь на толпу. – Время от времени мы их разгоняем, но они из-за этого только сильнее буйствуют. Да и что толку? Они ведь в любом случае появляются снова. Ни дать ни взять вши.

– Удивляюсь, что они находят время на подобные забавы.

– Видите тех двоих, что стоят позади? – Милкот остановился и указал на них. – Мужчину в коричневом камзоле и толстяка с тяжелой старинной шпагой? Подозреваю, что зачинщики – они, и деньги на эти «забавы» поступают из их карманов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.